

крымские детективы

Владимир Жуков

ЗЛОЙ РОК

Владимир Александрович Жуков

Зой рок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29806936

SelfPub; 2018

Аннотация

Остросюжетные повести, рассказы и судебные очерки по мотивам преступлений и происшествий, совершенных на территории Крыма за последние двадцать лет. Произведения написаны по материалам резонансных уголовных дел и отчасти с элементами художественного вымысла. Имена «героев» по морально-этическим соображениям изменены.

ЗЛОЙ РОК

1

Аптека открылась вовремя в 8. 00 и вскоре появились первые покупатели, в основном старики и старушки. Одни из них направились к окну со стеклянной перегородкой-витриной с упаковками лекарств и флаконами и надписью "Медикаменты по рецептам", другие – к "Фитотерапия", где на витрине были представлены лекарства, изготовленные на целебных травах, бальзамы "Вигор", "Святогор", "Крымский", "Биттнер", фиточаи, а также средства личной гигиены– зубные пасты, щетки, шампуни, гели, вата, бинты, одноразовые шприцы, презервативы и прочее.

В тщательно убранном, светлом помещении витал "букет" запахов с примесями эфира, валерьяны... Женщина-провизор в белом халате и шапочке с аккуратно подобранными под нее локонами, принимая рецепты, вежливо обслуживала пациентов. А вот у оконца "Фитотерапия" возникла очередь из четырех, потом семи человек...

– Будьте добры, подскажите, этот отдел работает? – поинтересовалась интеллигентного вида гражданка.

– Конечно, работает, не волнуйтесь, провизор задерживается, – сообщила Нина Михайловна Шилова и подумала: "Странно, где же Светлана Евгеньевна? Еще не было случая, чтобы она опоздала. Исполнительная, доброжелательная и

аккуратная. Если, что произошло, то обязательно бы известила".

– Аптека должна работать точно, как часы, – заметила вторая с суровым обликом посетительница и пригрозила. – А то плюнем и пойдем в "Висту". Еще и подругам расскажу, как вы уважаете и цените своих постоянных клиентов.

– Гражданка, плевать не следует, это признак бескультуры и не гигиенично, – напомнила Шилова. – Извините, носию минуту появится Светлана Евгеньевна и обслужит вас, как положено.

Провизор набрала на диске номер телефона Даркиной, но никто не поднял трубку. "Возможно, она уже в пути, и появится с минуты на минуту, – подумала Шилова. – Светлана отличается пунктуальностью, но не исключено, что подвели часы, может даже остановились и она замешкалась. Других причин для опоздания нет". Между тем посетители загудели, как растревоженный рой. Из внутреннего помещения, где находился служебный кабинет, вышла заведующая аптекой Луцкая, высокая светловолосая женщина, лет сорока от роду и, глядя на очередь, спросила:

– Нина, почему нет Светланы? Может, вы знаете?

– Нет, не знаю. Вчера вечером при уходе она не сказала, что задержится.

– Позвоните ей на дом, – велела Кира Витальевна. – Мы обязаны дорожить своими клиентами, иначе уйдут к конкурентам. Аптек в городе, что грибов после дождя.

– Звонила, но она не отвечает. Если заболела, то сообщила бы, к телефону уж точно подошла бы.

– В перерыве заглянем к ней, здесь же рядом в десяти минутах ходьбы, – предложила Луцкая.

– Что проку, если ее в квартире нет, – усомнилась провизор. – Я периодически буду ей названивать.

– Хорошо, – согласилась заведующая и попросила. – Нина, обслужи клиентов у второго оконца, не обижу, премирую. Пойду вызову сменщицу, чтобы поработала, пока будем выяснять ситуацию с Даркиной.

Шилова, перемещаясь от одного оконца к другому, успевала не только обслужить покупателей, но и звонить на квартиру Светланы.

До обеденного перерыва телефонную трубку никто не снял и на звонки не ответил.

– Кира Витальевна, чувствует мое сердце, что со Светланой что-то стряслось. Надо сообщить в милицию, – переступив порог кабинета, предложила Нина.

– Я тоже об этом подумала, – призналась Луцкая и сняла с рычага аппарата трубку, нажала на кнопки 102.

– Дежурный по УВД майор милиции Хворый слушает, – услышала она бодрый голос человека, явно не страдающего от недугов.

– Господин Хворый, к сожалению, не знаю вашего имени-отчества, – мягко произнесла женщина. – Вас беспокоит заведующая аптекой Кира Витальевна Луцкая. У нас ЧП,

сотрудница Даркина Светлана Евгеньевна не вышла на работу...

– Причем здесь милиция? объявите ей выговор за прогул.

– Нет, вы меня не поняли. Она добросовестная сотрудница, никогда прежде не опаздывала, – продолжила заведующая. – Я подозреваю, что с ней произошло что-то ужасное. На телефонные звонки не отвечает.

– Вы пытались навестить ее в квартире?

– Нет, какой смысл, если на телефонные звонки не отвечает?

– Напишите заявление в милицию и, если через трое суток не появится, то займемся ее розыском, как без вести пропавшей. В заявлении укажите ФИО, год рождения, место прописки и работы, номер телефона, а также обстоятельства исчезновения, — рекомендовал майор.

– Обстоятельств я не знаю. Почему так поздно начнете розыск? – посетовала Луцкая. – Странные у вас порядки, если это можно назвать порядком. Вы, что все там захворали? Бесследно исчез человек и, следуя здравой логике и милосердию, надо бить во все колокола и вести розыск, а вы будете еще трое суток раскачиваться.

– Это не моя прихоть, а требование приказа и инструкции МВД, – властно оборвал ее Хворый. – если мы по каждому вашему звонку, а за сутки их поступает сотни, будем личный состав поднимать по тревоге, то не останется сил и времени для раскрытия преступлений и задержание злодеев. Мо-

жет, ваша сотрудница загуляла с добрым молодцем или со здоровьем, сердцем проблема и прочее. Сейчас люди мрут, как мухи, редко кто из мужчин доживает до пенсии. У Даркиной, что нет семьи, одинокая?

— Да, одинокая, — подтвердила Кира Витальевна. — Год назад в море трагически погиб ее единственный сын. Она мучительно больно пережила эту потерю. — Вот видите, может у нее на этой почве пошатнулось здоровье, — предположил дежурный офицер. — Попробуйте навестить ее в квартире. Если же на звонки никто не откроет, то с участием представителя жэка и участкового инспектора придется вскрыть дверь. А уж потом действовать по обстоятельствам. Ваш район обслуживает участковый инспектор лейтенант Черенков Анатолий Васильевич. Свяжитесь с ним.

Майор назвал номер телефона сотрудника. Луцкая записала его на листке перекидного календаря.

— Нина, как я и предполагала, это майор Хворый, ну и фамилия, не внушающая оптимизма, посоветовал навести Даркину, — передала заведующая суть диалога. — Он по своему прав, может у Светланы проблемы со здоровьем, сердечный приступ или на почве переживаний тронулась умом и свела счеты с жизнью? Ведь столько горя бедняжке пришлось испытать, не всякое материнское сердце выдержит гибель сына. Это самое страшное потрясение, когда родители хоронят своих детей.

— Светлана на здоровье не жаловалась, — возразила Шилов-

ва. – К тому же она грамотный фармацевт, провизор, знает, что необходимо организму, ведет здоровый образ жизни, не курит и не злоупотребляет спиртным.

– Эх, Нина, смерть не разбирается, кого и когда к себе прибрать. Если человек долго в своем сердце носит горе, то оно быстро изнашивается и как следствие аритмия, стенокардия, инфаркт или инсульт, – нарисовала мрачную перспективу Луцкая. – Негативные эмоции травмируют психику человека, провоцируют суицид. Кажется, что единственный выход из тупика – смерть. Не приведи Господь, если это произошло с Даркиной.

– У Светланы не было таких мрачных, навязчивых мыслей. Она, наоборот, была довольна тем, что, наконец, после мучительных мытарств и хлопот, удалось установить памятник на могиле сына Сергея. Хотя его сооружение и обошлось ей слишком дорого, но считала, что исполнила последний материнский долг.

– Ладно, Нина, не будем гадать на кофейной гуще. Пока перерыв, пошли на квартиру Даркиной. Вдруг наша тревога напрасна и Светлана просто решила нас разыграть, не подходит к телефону.

– Она серьезный человек и такими вещами забавляться не станет, – возразила провизор.

Минут двадцать Луцкая и Шилова промаялись у двери квартиры Даркиной, расположенной на четвертом этаже пятиэтажной "хрущевки". Поочередно нажимали на кнопку электровонка, стучали в драпированную стальную дверь, отзывавшуюся утробным звуком пустой бочки.

– Нина Михайловна прислонила голову к двери, но никаких звуков

– Похоже на то, что хозяйки нет, – вздохнула провизор.

– Кто знает, мы ведь кошачьего языка не понимаем, – заметила заведующая. На шум и голоса вышел жилец из квартиры, расположенной на противоположной стороне лестничной площадки.

Это был долговязый и тощий, словно манекен, старик. Медленно переставляя ноги, он опирался на палочку.

– Гражданин, будьте добры, подскажите, сегодня ваша соседка Светлана Евгеньевна, выходила из квартиры? – подступилась к седому, как лунь, ветерану Шилова.

– Не знаю, сам только поднялся с постели, – ответил он. – Мне торопиться некуда, уже второй десяток, как на пенсии.

– Может, кто другой видел?

– Сомневаюсь. Наш подъезд называют домом для престарелых, – усмехнулся он в седые усы. – На всех пяти этажах живут одни ветераны. И только стемнеет, как те куры, начинают дремать. Иногда к нам сыновья, дочери навещают с внуками и правнуками. Еще месяц назад подъезд был, что проходной двор, молодежь здесь кучковалась, покоя не

было. Утром после них оставались шприцы, презервативы и пустые бутылки из-под водки и пива. Так мы быстро пресекли это форменное безобразие.

Собрали в складчину деньги, купили стальную дверь с кодовым замком и мастера ее установили. Теперь тишь и благодать, никто не шастает по ночам. А то ни сна, ни покоя. Утром встаешь с чугунной головой. А вы напрасно звоните, Светлана Евгеньевна рано уходит на работу в аптеку. Очень отзывчивый, душевный человек, всегда готова оказать помощь.

– Вы видели, как она уходила? – с затеплившейся надеждой спросила Луцкая.

– Нет, не видел, но где же ей быть? – произнес старик. – Так мы и пришли из аптеки, чтобы узнать, что с Даркиной, – пояснила провизор.

– Нина, давай живо наведайся в жэк, объясни ситуацию, пусть пришлют слесаря, чтобы открыл двери, – велела Кира Витальевна, потеряв интерес к словоохотливому старику. – Я тем временем по телефону свяжусь с участковым инспектором.

– Эй, ветеран, минутку! – окликнула она аксакала и, когда тот обернулся, спросила. – У вас в квартире есть телефон?

– Да, недавно установили, как участнику боевых действий. Десять лет пришлось обивать пороги начальников.

– Разрешите позвонить по срочному делу.

– Пожалуйста, – возвратился он к своему жилищу. открыл

двери, впуская женщину и предупредил. – Только по городу, а то наговорите по междугородке, что и пенсии не хватит рассчитаться.

– Конечно, по городу, хочу вызвать участкового, – сказала Луцкая и набрала на диске номер.

– Лейтенант Черенков слушает, – послышался отзыв.

– Товарищ участковый инспектор, мне вас рекомендовал майор Хворый. Необходимо при вашем личном присутствии открыть двери в квартиру нашей сотрудницы Даркиной, которая куда-то неожиданно исчезла.

– Куда исчезла?

– Это мы и пытаемся выяснить.

– Назовите адрес квартиры.

Кира Витальевна назвала.

– Через пятнадцать минут подъеду, – пообещал лейтенант и в отличие от многих своих коллег, оказался на редкость пунктуальным. Черенков предстал в облике молодцеватого мужчины, выше среднего роста, в опрятной офицерской форме с двумя звездочками на каждом погоне. Озадаченно поглядел на прочную дверь и нажал на кнопку электрозвонка.

– Бесполезно, товарищ лейтенант, – вздохнула женщина. – Уже полчаса, как здесь топчемся. Направила сотрудницу в ЖЭК за слесарем.

– Правильное решение, – одобрил офицер. – Дверь добротная, без монтировки, кувалды, а возможно, и автогена с

ней не совладать.

На лестнице послышались шаги. Следом за Шиловой поднялся крепкий, но мужчина с монтировкой в руке и сумкой на боку. Поздоровался кивком головы с надвинутой на лоб кепкой. Поглядел на лейтенанта и хриплым голосом спросил:

– Ну, что, служивый, велишь приступить?

– Приступай.

Слесарь внимательно осмотрел дверь, ощупал пальцами место стыковки ее с рамой.

– Вы постарайтесь аккуратно, не разворотите, как медведь, – попросил участковый. – Конечно, кстати были бы услуги специалиста–домушника или "медвежатника"– мастеров замочных дел, но перевелись настоящие спецы, да и замки пошли слишком замысловатые. А этот замок, возможно, придется отправить на техническую экспертизу, чтобы выяснить, не открывали ли его отмычкой или иным способом?

– Гражданин начальник, я – слесарь, а не ювелир, поэтому тонкой работы не гарантирую, – заметил мужчина. – К тому же, инструмент у меня топорный...

– Значит и работа топорная? – огорчился Черенков.

– Если дверь закрыта на два оборота ключа, то придется изрядно попотеть, а если ее захлопнули на язычок, то больших проблем не будет.

Слесарь нащупал узкий проем между дверью и рамой и

вставил в него плоский, заостренный конец монтировки. Нажал на рычаг, стремясь отжать дверь и выдавить язычок, но усилий оказалось недостаточно.

– Эй, служивый, подсоби, – попросил он у офицера и тот руками уперся в монтировку. Проем расширился, противно заскрежетал металл и дверь отворилась.

– На язычок была заперта, – обрадовался слесарь тому, что так быстро удалось справиться.

– Светлана, уходя из дома, обычно запирала двери на два оборота ключа, – сообщила Шилова.

– Вы в этом уверены? – уточнил Анатолий. – Да, несколько раз у нее гостила и когда отправлялись на вечернюю прогулку на набережную или в парк, то она надежно запирала двери.

– Светлана, Светлана Евгеньевна, где вы? Отзовитесь! – крикнула в глубь квартиры провизор. В ответ – ни звука. Лишь из туалета послышался жалобный визг.

– Так это же ее песик Снежок подает свой голос, – произнесла она и отворила дверь.

– Снежок, Снежок, кто тебя бедняжку, запер без воды и корма? – приголубила она пуделька и с тревогой заметила. – Светлана себе никогда бы не позволила. Очень трепетно относится к животным, братьям нашим меньшим. Что-то тут неладно?

Освобожденная из плена белой масти собачка, благодарно повизгивая, завертелась, запрыгала вокруг спасительни-

цы, признав в ней частую гостью.

– Так я свободен? – спросил слесарь.

– Да, спасибо за труд, – поблагодарил лейтенант и мужчина, прихватив монтировку и сумку, ретировался.

– Снежок, хорошая собачка, скажи, где твоя хозяйка подевалась? – Шилова взяла ее на руки и увидела красные шерстинки на лапах. – Что это за макияж? Куда ты, забияка, угодила в краску?

– Краска ли? – усомнился Черенков и приблизил свое лицо к пуделю в надежде ощутить запах олифы, ацетона или разбавителя. – Это еще надо проверить, провести химическую экспертизу. Кто из вас бывал в гостях у Даркиной?

– Я, мы с ней дружили, – призналась Шилова.

– В таком случае прошу быть предельно внимательной, – попросил офицер. —Смотрите, нет ли изменений в интерьере, все ли вещи и предметы на своих местах?

– Здесь в прихожей у Светланы была ковровая дорожка бордового цвета с орнаментом по краям, – сообщила провизор, оглядывая прихожую.

– Она при уборке квартиры могла ее свернуть, – предположила Луцкая. – Возможно, отнесла ее в кладовку или на балкон, как это обычно делают хозяйки.

– Прошу передвигаться осторожно и к вещам не прикасаться, – предупредил лейтенант. – На предметах могут быть отпечатки пальцев злоумышленников, если им удалось проникнуть в жилище.

Втроем они осмотрели кухню, гостиную.

– Все вроде на месте, телевизор, видеоманитофон, музыкальный центр, изделия из хрусталя и фарфора, – оглядывая сервант, произнесла Нина и перед дверью в спальню остановилась, словно удерживаемая неведомой силой, смутным ощущением нарастающей тревоги.

– Что же вы, Нина Михайловна? – взглянул в ее побледневшее лицо Анатолий. – Следуйте дальше.

– Я боюсь, идите вы первым или пусть Кира Витальевна.

– Ишь, чего придумала? – обиделась заведующая.

– Вдруг она там лежит.. мертвая, – с ужасом в глазах прошептала провизор.

– Эх, умеете вы страхи нагнать, – посетовал лейтенант. – Как говорит мой знакомый следователь прокуратуры Валерий Янович Зуд, у страха глаза велики, только они ничего не видят.

Лейтенант смело вошел в спальню, бросил взгляд на диван-кровать. Покрывало было примято и он предположил, что кто-то недавно прилег на постель, но не заправил ее. Скользнул беглым взглядом по шифоньеру и книжным полкам.

– Видите, ваши страхи напрасны, никого нет, – развел он руками.

– Где же в таком случае Даркина? – возразила Луцкая. Они переглянулись с Шиловой. Этот безмолвный диалог не ускользнул от внимания Анатолия. Поиски ковровой дорож-

ки оказались тщетны, ни в кладовой, ни на балконе, ни в других местах его не обнаружили.

– Да, пожалуй, дело темное, – задумчиво произнес Черенков. – Наметились признаки криминала.

Он возвратился в прихожую и связался по телефону с Хворым:

– Товарищ майор, направьте в квартиру Даркиной оперативно-следственную группу, и обязательно эксперта-криминалиста и кинолога, – попросил участковый. – Есть подозрение, что без криминала не обошлось.

– Жди, сегодня на дежурстве старший следователь майор Журавина Лариса Юрьевна. Она и разберется, есть ли криминал или тебе показалось, – ответил Хворый.

3

Прибывшие через полчаса старший следователь майор милиции Марина Журавина, оперуполномоченный ОУР лейтенант Максим Ясень, эксперт–криминалист старший лейтенант Степан Кочеток и кинолог, прапорщик Михаил Деренбай с овчаркой Дозором, сразу же, включились в процесс осмотра квартиры.

– А ты, Максим, опроси жильцов всех квартир, расположенных в этом подъезде, – велела сыщику Марина Юрьевна.

– Так точно! – по привычке козырнул Ясень и отправился выполнять задание, а следователь обратила свой взор на

Черенкова:

– Ну, что интересное сообщишь, есть ли следы кражи или грабежа?

– Как говорит гражданка Шилова, – он указал взглядом на провизора, – Нина Михайловна была вхожа в квартиру Даркиной, вроде бы все вещи на месте, не тронуты. Вот только ковровой дорожки не хватает..

– Эх, Анатолий, ради ковровой дорожки никто бы не стал ломиться в квартиру, – усмехнулась Журавина. – Лучше поделись своей версией по поводу исчезновения хозяйки.

– Возможно, куда-нибудь неожиданно уехала. С людьми, особенно преклонного возраста подобное нередко происходит, рассеянный склероз, провал или потеря памяти, – предположил участковый.

– Светлана Евгеньевна пребывает в здравом уме и провалами памяти не страдает, – с упреком возразила Шилова.

– Да, она отличается высокой исполнительностью и пунктуальностью и в ее поведении и поступках нет странностей, – подтвердила Луцкая, посчитавшая предположение Черенкова в отношении сотрудницы оскорбительным.

– Вы вещи пропавшей проверяли? – поинтересовалась у Анатолия следователь.

– Нет, только беглый осмотр комнат в надежде обнаружить ее живой или.. мертвой, но ее и след простыл.

– Личные вещи человека, если над ними хорошенько поразмыслить, о многом способны поведать, – назидательно за-

явила Марина Юрьевна и, заметив на тумбочке рядом с телефоном дамскую сумочку, продолжила. – Уходя надолго из квартиры, Даркина обязательно взяла бы с собой сумочку с косметичкой, кошельком и прочими мелкими принадлежностями.

Следователь аккуратно взяла сумочку, открыла ее и огласила содержимое:

– Косметичка и связка ключей на месте, а денег нет. Это наводит на мысль, что Светлана Евгеньевна по своей воле квартиру бы не оставила. Обязательно взяла бы сумочку и тем более ключи, так как по возвращению не смогла бы открыть квартиру.

– Верно, – подтвердил Черенков. – Входная дверь была заперта лишь на защелку, то есть ее просто захлопнули при выходе. А вот гражданка Шилова подсказала, что хозяйка непременно закрывала двери на два оборота ключа.

– Анатолий, а вы обратили внимание, была ли дверь повреждена перед тем, как вы ее вскрыли?

– Не была повреждена, слесарь ее осмотрел и легко открыл.

– Но все равно, – Журавина поглядела на эксперта-криминалиста. – По завершению осмотра квартиры снимите замок для технической экспертизы. Не исключено, что его могли открыть с помощью отмычки.

– Товарищ майор, вот еще странная штука, кто-то собачке покрасил шерсть на лапах, а может и сама залезла в крас-

ку, – сообщил лейтенант, указав на Шилову, прижимавшую к груди словно ребенка, Снежка.

– Степан, проверь, – велела майор и Кочеток подошел к Нине Михайловне. —Позвольте, гражданка осмотреть это пушистое создание. Потревоженный незнакомцем пудель зарычал и оскалил пасть.

–Держите его, – попросил эксперт-криминалист. Достал из саквояжа большую лупу и приблизил к лапе, зорко осмотрел.

– Марина Юрьевна, это не краска, у которой специфический запах, а по всем признакам, засохшая кровь.

– Чья кровь?

– Я – не чародей, необходим лабораторный анализ, мед-экспертиза, – ответил Кочеток, ножницами состриг с собачьей лапы слипшийся клочок шерсти и положил в пакет. Обратился к Шиловой:

– Она вас слушается, будьте добры, осмотрите. Может, собачка ранена и это ее кровь?

– Со Снежком все в порядке, хотя и побит, я его раньше проверила, – ответила женщина. После этого эксперт-криминалист снял на видеокамеру интерьер кухни, прихожей и гостиной. Принялся тщательно осматривать одежду на вешалке в прихожей. На спортивной куртке "Adidas" его внимание привлек смятый рукав. "Похоже на то, что кто-то курткой вытер пораненную руку или другую часть тела", – предположил он и обнадеживающе сообщил:

– Марина Юрьевна, нашел еще одну зацепку. Обнаружил на куртке бурые пятна, вероятно крови. Полагаю, что Даркина не стала бы портить свою вещь. Беру ее на экспертизу.

– Каковы твои, Михаил, успехи? – окликнула следователь Деренбая, державшего на поводке Дозора.

– Если события произошли до того, как ночью прошел дождь, то надежды отыскать следы в окрестностях дома тщетны. А вот в помещении попытаемся отыскать следы, – заверил прапорщик. Он дал псу понюхать обувь хозяйки и приказал:

– Дозор, след, бери след!

Пес коричнево-бурой масти заметался между прихожей и гостиной, остановился у входной двери. Кинолог, ослабив ремень поводка, выпустил его на лестничную площадку. Дозор присел в двух метрах от двери и, опустив голову, принялся обнюхивать серые плиты. Наклонившись, на одной из них Михаил увидел расплывшееся бурое пятно. "Наверняка, кровь, но чья?" – подумал прапорщик и спустился по ступеням на третий этаж, но следов так и не обнаружил. Пес не проявил усердия, из чего кинолог сделал вывод, что женщину увели из квартиры другим способом. Он возвратился в прихожую и продолжил поиск следов в помещении. Дозор привел его на балкон и здесь в поле зрения попали бурые пятна.

– Товарищ майор, следы присутствия хозяйки квартиры ограничены площадью этого жилища конечными точками

которого являются бурые пятна на лестничной площадке и на балконе, – витиевато доложил он Журавиной.

– Михаил, не напускай туман, говорили без зауми, – попросила женщина. – Что это значит?

– Даркину похитили через балкон или входную дверь. Бурые пятна на лестничной площадке и балконе указывают на то, что без насилия не обошлось. Я больше склоняюсь к мысли, что через балкон.

– Полагаешь, что она из квартиры не выходила?

– По логике так получается.

– Странно. Не могли же ее на вертолете увезти или на парашюте спустить? – заметила майор.

– Не знаю, но факт остается фактом.

– Пока, что одна из версий. Чтобы она стала фактом нужны веские доказательства, – напомнила следователь.

Марина Юрьевна из гостиной вместе с Шиловой и Луцкой прошла в спальню и поинтересовалась.

– Нина Михайловна, вам, как верной подруге, во время общения Даркина показывала свои сбережения, как говорится, на "черный день"?

– Дело в том, что после трагической гибели ее сына Сергея, которого ценили и уважали за чуткость и профессионализм, он работал судовым врачом на траулере, члены экипажа собрали ей валюту.

– Сколько?

– Она не сообщила, а я не допытывалась, так как не при-

выкла считать чужие деньги. Это неэтично, – заметила провизор. – Но знаю, что большую часть долларов она потратила на сооружение мраморно-гранитного памятника на могиле сына. Мошенники ее обманули, поэтому памятник ей обошелся в два раза дороже реальной стоимости.

– Какие ювелирные изделия она носила?

– Золотую цепочку с крестиком, серьги с топазом, перстень и наручные часы "Чайка", а остальные украшения хранила в шкатулке.

– Где находится шкатулка?

– В ящике книжного шкафа.

– Что в ней находилось?

– Помню, что два обручальных кольца, которые Светлана покупала для будущих молодоженов, то есть для сына и его избранницы, золотая цепочка с кулоном, две броши, одна с янтарем и валюта, – сказала провизор. Журавина выдвинула ящик и, действительно, увидела шкатулку, осторожно открыла ее и показала.

– Пусто. Значит, здесь побывали грабители, при чем знавшие, где, что лежит, — сделала вывод следователь. Взяла с полки альбом с фотографиями хозяйки и ее сына.

В последнюю квартиру на первом этаже, начав опрос жильцов с пятого, Максим Ясень позвонил, пребывая в пас-

мурном настроении. Было чему огорчаться. Во всех квартирах проживали престарелые пенсионеры и инвалиды, которые рано ложились спать и поздно вставали. Да и то сказать, не село ведь, где привыкли подниматься с первыми петухами. По поводу исчезновения Даркиной никто ничего не смог пояснить.

Напротив, для них весть о том, что провизор, снабжавшая их лекарствами, странным образом пропала, была, как снег на голову. Они сами допытывались у лейтенанта, когда и как это произошло, а потом, истосковавшись по внимательному собеседнику, принимались рассказывать свою боевую биографию и обижались, когда он обрывал.

"Старое, героическое поколение доживает свой век, забытое Отечеством, которое они защищали и которое, спустя сорок шесть лет после Победы перестало существовать, – с грустью подумал Ясень. – Правители постсоветских республик вспоминают о старых воинах лишь в праздничные дни, стесняясь о том, что "государство перед своими защитниками и освободителями в неоплатном долгу".

И так из года в год бесконечная песня нанайца, пока последний воин Великой Отечественной не отойдет в лучший из миров. И в этой квартире живет одинокий ветеран и опять ударится в воспоминания. Собственно и обижаться не следует, ведь не зря говорят, что старый, что малый. Возраст у них не тот, чтобы бродить по ночам в поисках приключений, разве кого могла одолеть бессонница, вышел на площадку

покурить?"

Максим нажал на кнопку электрозвонка, услышал шаги. Понял, что его рассматривают через "глазок", показал удостоверение и попросил:

– Откройте, милиция. Проверка паспортного режима.

Бодрый старик в байковой пижаме открыл дверь.

– Милицию я почитаю. Иван Ильич Сиротин, полковник в отставке, – представился ветеран. – Воевал под Москвой, участвовал в Сталинградской битве, освобождал Прагу, имею семнадцать боевых наград...

– Спасибо вам, Иван Ильич за мужество и отвагу, но я пришел по другому случаю, – прервал его лейтенант.

– Какой еще может случай? У меня гости редко бывают, давайте я вас угощу коньяком, пять звездочек. Я его в маленьких дозах принимаю для нормализации давления, а вы парень молодой, можно и сто пятьдесят граммов, здоровью не повредит, – предложил полковник.

– Нельзя, я при исполнении, – отказался Ясень. – А случай такой. Со вчерашнего вечера куда-то исчезла Даркина.

– Светлану Евгеньевну я знаю, щедрой души человек, – оживился он. – Приветливая, заботливая, всегда поможет и медпрепаратами, и полезными советами. Куда же она могла исчезнуть?

– Это мы и пытаемся выяснить. Скажите, в котором часу вы вчера легли спать и когда проснулись?

– В девять вечера лег, в семь утра встал. У меня такой

режим.

– Вечером или ночью выходили в подъезд покурить?

– Не курю, мне нет надобности по подъезду блуждать, – ответил Сиротин и, заметив разочарование на лице молодого офицера, посетовал. – У нас квартиры в подъезде все равно, что дом престарелых, богадельня.

– Всех опросил, никто ничего не видел, не слышал и не знает, словно сговорились, – пожаловался Ясень. – Все ночью дрыхли, словно сурки.

– А что нам еще остается делать? Спать в ожидании смертного часа, – вздохнул Иван Ильич. – Так ты говоришь, что всех опросил?

– Да, побеседовал, но бесполезно.

– В подвале дома был?

– Нет.

– Там тоже жилец Сидор.

– Кто он такой? Фамилия, адрес прописки?

– Фамилия? Не знает, бездомный, бомж по кличке Хорь, потому что от него за версту несет. Его правильно было бы назвать Скунсом, занимающим первое место по вонючести, – ответил полковник. – Наверное, судьба-злодейка сильно намяла ему бока своими жерновами. Странный мужик какой-то, не от мира сего, с причудами. Вдруг он что-нибудь видел на своем "боевом" посту?

– Спасибо вам, Иван Ильич, за информацию, – поблагодарил лейтенант и с надеждой покинул квартиру, вышел во

двор. Пробрался вдоль обшарпанной, с выцветшей желтовато-бурой поверхностью стены. Нашел слегка прикрытый листом ржавой жести лаз в подвал. Сгруппировался и пролез в низкое помещение и сразу же ощутил в полумраке сырость, прель и зловонный запах.

– Гражданин Сидор! Хорь! – крикнул Максим, но никто не ответил. Из оконцев, словно прожектора, темень пересекали лучи солнца. Глаза привыкли к мраку и лейтенант различил трубы. Над одними с ветхой изоляцией исходил теплый пар, другие – холодного водоснабжения были покрыты конденсатом. Из неплотных соединений на стыках труб и в местах изъеденных коррозией сочилась вода. Почва под ногами была липко – вязкой и противной, словно испражнения. Сверкнув зелеными зрачками, прошмыгнула в оконце испуганная бездомная кошка.

– Сидор, Хорь! – снова позвал Максим, но никто не отозвался и тогда, пригибаясь, чтобы не набить шишки о трубы, он направился в дальний угол, где по его предположению могло находиться лежбище бомжа. Вдруг Ясень споткнулся о черный и потому неприметный куль. Едва удержался на ногах и вспомнил о зажигалке. Щелкнул и вспыхнул оранжевый огонек.

Куль был развязан, сбоку висело стальное кольцо. Ясень, не подумав, опрометчиво сунул в него правую руку. Наткнулся пальцами на что – то вязкое и тут же ощутил приторно-сладкий запах человеческой плоти. Брезгливо одер-

нул руку и увидел на пальцах багрово-студенистую массу с прилипшими ворсинками волос.

– Черт подери, ведь это же кровь! В пакете мясо. Откуда оно здесь? – пронзил его сознание вопрос. Он приблизил зажигалку к пакету и с ужасом увидел окровавленную женскую голову с оскаленным в страшной гримасе лицом. А рядом две руки с бледно-синими пальцами. Догадался, кому могут принадлежать фрагменты и попятился назад к светлому проему лаза.

"Так вот почему здесь не оказалось Хоря. Действительно, если верить Сиротину, то странный, с причудами тип и, возможно каннибал", – подумал Ясень, не сомневаясь в том, что найденное, когда-то было частью Даркиной.

Он поспешно, словно его кто-то незримый преследовал, выбрался наружу и, не сбавляя прыти, перескакивая через две ступени, поднялся на четвертый этаж.

– Марина Юрьевна, товарищ майор, сверлите дырку в погоне для большой звезды, а мне может очередная маленькая перепадет! – в запальчивости сообщил лейтенант. – Нашел я в подвале, нашел...

– Не гони лошадей, остынь, лейтенант, – слегка охладила его пыл следователь. – Расскажи все по порядку. Что нашел, почему полез в подвал, говори внятно?

– Опросил я почти всех жильцов, а среди них, как назло лишь глухие и полуслепые ветераны, инвалиды войны и труда. Они рано ложатся спать и поздно просыпаются, поэтому

ничего не знают, забодали меня своими воспоминаниями о войне и вопросах. Совсем отчаялся, думал делу – труба, ни грамма ценной информации.

В последней квартире на первом этаже навесил полковника в отставке Сиротина. Он тоже ничего не смог сказать по поводу исчезновения Даркиной. Вот я при нем не выдержал и посетовал, что мол, всех жильцов опросил и никакого проку. Тогда Иван Ильич мне подсказал, что в подвале обитает странный мужик, бомж по имени Сидор с кличкой Хорь. Я сунулся туда, но бомжа не нашел, а наткнулся на развязанный большой черный пакет и сгоряча сунул туда руку. А там мясо и кровь... Вытер ладонь о тряпки и мигом к вам, чтобы доложить.

Ясень с безгливостью поглядел на пальцы правой руки.

– Что конкретно находилось в пакете?

– Отрезанные женская голова и руки. Мне, кажется, что Даркиной, но надо провести опознание.

– Господи, помилуй! – воскликнула, услышав эту весть, Шилова.

– Прошу вас без паники и истерики, – потребовала следователь и обратилась к Луцкой. – Вы могли бы опознать свою сотрудницу?

– Смогла бы, но у меня слабое сердце и я ужасно боюсь мертвецов, – призналась побледневшая, словно стена Кира Витальевна. – Может Нина Михайловна согласится, она больше с ней общалась, почитай подруги не разлей вода.

– Нина Михайловна, окажите эту услугу, – попросила Журавина. – Конечно, ее опознали бы жильцы дома, они старые больные люди и не хочу лишний раз травмировать их психику.

– Если надо, значит, опознаю, – вообразив тягость этой процедуры, ответила провизор, а следователь спросила у лейтенанта. – Сколько пакетов?

– Один, а может и еще, но я не стал осматривать подвал, а сразу рванул наружу, – Бомжа там не оказалось и есть подозрение, что это он выследил и зарезал женщину. Ветеран Сиротин сказал, что Хорь странный с причудами мужик, о таких говорят, что "у них не все дома".

Психически больные, им, что человека убить, что таракана раздавить, без разницы. Поэтому и кличка у него подходящая – Хорь. Это очень коварный и хитрый зверек. Сначала травит свою жертву газами, из-за которого, те же глупые куры чумеют, а потом уже грызет. Может быть, и Сидор стал людоедом, заготовил себе мяса на зиму. Говорят, что тот, кто отведал человечину, а она со сладковатым привкусом, уже не может остановиться...

– Максим, какие ты ужасы рассказываешь, – остановила майор лейтенанта. – У тебя неисчерпаемая фантазия, опустишь на грешную землю. Давай, веди к находке, на месте разберемся.

Следователь оставила в квартире Черенкова и Луцкую. Вместе с сотрудниками оперативно-следственной группы

последовала за Ясенем в подъезд, а затем и в подвал.

У эксперта-криминалиста Кочетка нашелся в саквояже фонарик и они, выбирая места суше, спугнув кошку и летучую мышь, пробрались к пакету. Максим расправил края пакета и Марина Юрьевна, зажав пальцами ноздри, заглянула вовнутрь. На нее взирало искаженное гримасой ужаса женское лицо, рядом лежали обрубки рук с посиневшими фалангами пальцев. Женщина невольно вздрогнула и прошептала Шиловой:

— Будьте добры, взгляните.

Та обратила свой взор в глубь пакета и, содрогнувшись, промолвила:

— Да, это голова Даркиной. Бедная, несчастная женщина с такой трагической судьбой. За что ей такая страшная кара?

Провизор почувствовала, как на глаза невольно наворачиваются слезы, закрыла лицо руками. Поняв ее состояние, следователь разрешила ей покинуть подвал, а сама вместе с сотрудниками продолжила осмотр мрачного помещения с изношенными, изъеденными коррозией трубами и утечками холодной и теплой воды.

В дальнем углу подвала они обнаружили на трубах теплосети нижнюю мягкую часть старого дивана с грязным, ветхим тряпьем, очевидно служившим одеялом. Внизу были разбросаны около десятка стограммовых флаконов с красными колпачками из-под медицинского спирта, метко названные любителями горячительных напитков "красными

шапочками", штук пять вспоротых консервных банок из-под кильки и тюльки и "завтрака туриста", хлебные корки и пластиковая бутылка с мутной жидкостью, в спичечном коробке соль. На более разнообразное меню обладатель лежака, очевидно, претендовать и рассчитывать не мог из-за дефицита средств. Чревоугодие, обжорство ему не грозило, кормился, чем попало, ради физического выживания.

– Существуют же еще граждане, словно в каменном веке, – посочувствовал Кочеток, фотографируя аппаратом со вспышкой убогое пристанище бомжа. – От такой собачьей жизни он, действительно, мог озвереть и совершить злодейство.

– Зато наслаждается свободой, нет над ним ни жены, ни начальства, – заметил Ясень. – Это прежде, тунеядцев, бродяг и попрошаек отлавливали и по 214 статье УК отправляли на нары в колонию. А теперь демократия, свобода, права человека. Лишь иногда во время оперативных отработок, как сейчас, досаждаем бомжам. Вытаскиваем их из притонов – рассадников преступлений, пьянства, наркомании и других пороков и заразных инфекций.

– Не желала бы я такой свободы, – сделала резюме следователь. – Наверное, у бомжа, кстати, срочно установи его личность, не сложилась судьба. Впрочем, у каждого своя планида, как говорят: от суммы и от тюрьмы не зарекайся.

– Товарищ майор, я тревожусь, как бы Хорь не дал деру, – высказал сомнения лейтенант. – Заберется "зайцем" в при-

городный поезд или остановит попутную машину и ищи ветра в поле. Уголовное дело окажется очередным "сухарем".

– Правильный ход мыслей. – похвалила Журавина. – Я распоряжусь, чтобы дали ориентировки операм, сотрудникам ППС, ГАИ, ДПС и линейного отдела на транспорте.

– Предлагаю в подвале устроить засаду и сам готов дежурить, – вошел в азарт Максим. – Ночью холодно, заморозки и Сидор, если конечно у него нет запасного угла, возвратиться на ночлег. Мы его тепленьким на трубах и повяжем.

– Вряд ли в ближайшие сутки он здесь появиться, – возразила Марина Юрьевна. – Такова психика любого пребывающего в здравом рассудке человека. Он старается держаться подальше от места злодеяния, представляющего угрозу для его спокойствия и бросающему тень подозрения. Включается природный инстинкт самосохранения, действующий интуитивно на подсознательном уровне.

– Возможно, вы и правы, – согласился лейтенант. – Мне бы такие знания, опыт и интуицию.

– Это дело наживное, не Боги горшки обжигают. пройдут годы и станешь настоящим мастером сыска, – с оптимизмом заверила Журавина и строго велела. – Вытаскивай из берлоги полковника, который навел тебя на Сидора, садитесь в УАЗ и вперед по рынкам, свалкам, притонам и другим значным местам и кровь из носа разыщите и доставьте этого бомжа.

– Будет сделано, – ответил лейтенант и быстро ретировался.

ся.

– А вы, Степан, – она обратила взор на эксперта-криминалиста Кочетка. – Свяжитесь с судмедэкспертом и займитесь идентификацией останков, постарайтесь быстрее получить заключение экспертизы по пятнам крови, обнаруженным на лапах кошки, спортивной куртке и плитах у входной двери и на балконе. Срочно необходимо установить ее принадлежность. А также предоставьте результаты дактилоскопии.

– Постараюсь, товарищ майор, – ответил старший лейтенант.

– С вами, Нина Михайловна, я хочу поговорить тет-а-тет.

– О чем?

– Расскажите мне все, что знаете о Даркиной. Важна любая подробность, деталь, которая может послужить ключом к разгадке мотива, причины этого страшного убийства и вывести на злодея или злодеев.

– Но ведь уже установили убийцу, этого бомжа Егора, будь он проклят, такого прекрасного человека погубил, – отозвалась провизор.

– Не торопитесь с проклятиями. Если бы все так просто было, – заметила майор. – В юриспруденции и следственной практике существуют такие понятияб " презумпция невиновности" и "ошибка в объекте". Никто не вправе называть подозреваемого преступником до того, как суд не вынесет свой вердикт. Да потом не исключена апелляция и пересмотр решения. Поэтому не будем предвосхищать события и ве-

шать на человека, будь он бомж или депутат и министр, позорные ярлыки.

Шилова в знак согласия кивнула головой, не в силах избавиться от застывшего в ее сознании ведения: окровавленной со спекшимися сгустками крови в волосах головы недавней подруги. " Царство тебе небесное, Светочка, отмучилась бедняжка, призвал тебя к себе сынок", – подумала она, невольно защемило сердце.

5

Следом за Журавиной Нина Михайловна прошла в гостиную, но не села в кресло, а аккуратно убрала хрустальную вазу с алыми гвоздиками и сняла со стола скатерть. Закрывла тканью зеркало трюмо.

– Не подумайте, что я суеверная и чрезмерно набожная, – ответила она на вопрошающий взгляд следователя. – Профессия фармацевта, провизора, когда имеешь дело с миллиграммами, научила точности и осторожности. Я – реалистка и доверяю фактам, которые вижу, могу потрогать руками и оценить. А это давний христианский обычай, закрывать зеркала покрывалом в доме, где есть покойник. Поэтому не обессудьте.

– Не переживайте, Нина Михайловна, я знаю, что существует такой обычай и в этом нет ничего предосудительного, – промолвила майор. – Напротив, считаю этот ритуал да-

нюю памяти по умершим и погибшим.

– В случае с семьей Даркиных, которой уже не существует на белом свете, невольно поверишь в мистику и злой рок, – продолжила Шилова дрогнувшим голосом. – Я пришла к мысли, что над этой семьей витало родовое проклятие. Возможно, в каком-то их поколении, которое теперь трагически оборвалось, несколько веков назад кто-то совершил страшный грех. И теперь наступила дикая, жестокая расплата. В этом мире ничто не проходит бесследно, за все прошлые прегрешения приходится расплачиваться невинным людям, спустя столетия.

– Почему вы так решили?

– Потому что полтора года назад трагически в расцвете сил в двадцатилетнем возрасте погиб единственный сын Светланы Евгеньевны и вот такая же горькая участь постигла и ее, – с болью в голосе сообщила провизор. – Вспомнив нашу последнюю встречу, я поняла, что Даркина предчувствовала такой исход, говорила, что ей уже не на что надеяться, жизнь прожита. Единственной радостью и утешением был сын, которому она, пожертвовав личным счастьем, посвятила жизнь.

У очаровательной Светланы была возможность второй раз выйти замуж.. Настоящее материнское подвижничество, на него способна не каждая женщина, это в крови. Ведь нынче, и об этом вы знаете, некоторые из рожениц отставляют своих младенцев в роддомах и домах малютки, подкидывают

к дверям чужих квартир и страшнее того бросают на пустырях, мусорных свалках, обрекая на верную гибель.

– Есть такие ужасные факты, – подтвердила следователь.

– Так вот после гибели сына Светлана считала своим долгом установить достойный памятник на его могиле. А ведь, когда Сережа был живой, мечтала о его женитьбе на скромной и доброй девушке, о внуках, даже заранее покупала для первенца принадлежности и игрушки. Но этого счастливого события так и не произошло. Сергей, постоянно находясь в рейсах, не успел найти себе спутницу, считал, что вся жизнь еще впереди...

– Нина Михайловна, расскажите подробнее, что произошло с сыном Даркиной, – живой интерес проявился в глазах Журавиной.

– Если вы, Марина Юрьевна, располагаете временем, то я готова. Хотя эти воспоминания для меня очень ранимы. Я хорошо знала не только Светлану, но и Сергей.

– Рассказывайте, я вся внимание.

– С психикой сопряжены не только феноменальные, но и негативные аномалии, ведь метко сказал поэт Евгений Евтушенко: "Людей неинтересных в мире нет, их судьбы, как истории планет", – продолжила Шилова. – Есть люди, которые панические боятся света.

– Светобоязнь, – подтвердила следователь.

– Да, вы правы, а другие боятся темноты, третьи – высоты, четвертые охвачены манией величия или преследования,

пятые – страшатся огня...

– Огня, пожара все боятся. Я об этих аномалиях знаю, но какая связь с семьей Даркиных?

– Самая прямая и вы сейчас это поймете. Дело в том, что Светлана Евгеньевна в довольно позднем возрасте родила первенца Сергея. Достался он ей очень тяжело, через кесарево сечение. Родился хилым, врач и акушерка, принимавшие роды, считали, что он не жилец. Светлана из кожи лезла, чтобы спасти свою крошку, свою кровинку, настояла на том, что находилась под наблюдением педиатров и ученых из Института матери и ребенка и с их помощью выходила ребенка, вырвала из когтей смерти.

В период детства и юности Сергея ей пришлось приложить максимум усилий, чтобы поднять на ноги, и он смог окрепнуть. Она берегла его, как зеницу ока, ограждала от напастей, особенно от воды.

– Почему именно от воды?

– Светлане приснился кошмарный сон, как впоследствии оказалось, вещий, что ее сын тонет в бушующем океане. Она пытается схватить его за руки, но волны уносят в глубину. Поэтому, когда ей доводилось отдыхать на пляже, то ни на шаг не отпускала от себя сынишку. И эти постоянные напоминания об опасности, которые таит в себе вода, очевидно, отразились на поведении Сергея. Будучи подростком, он осмеливался заходить в море лишь по колени и то под присмотром матери.

В его сознании засела навязчивая мысль, исподволь внушаемая Светланой, что суждено погибнуть от водной стихии, что мол, на роду написано, того не миновать. Это его психически тяготило, закрепив рефлекс неуверенности, страха и предопределенности судьбы. Материнская любовь, в которой доминируют чувства, эмоции, а не разум с трезвым расчетом, нередко бывает слепой.

Считаю, что Даркина со страхами, внушаемыми мальчишке с неокрепшей психикой, ребенок ведь, как губка впитывает и полезное, и вредное, явно переборщила. Возможно, и сама это осознавала, но действовала по инерции в силу привычки. Я ей советовала устроить Сережу в спортивную секцию по плаванию в бассейн "Садко", но она так и не смогла преодолеть психологический барьер. Посчитала, что умение плавать, наоборот, усыпит его бдительность, осторожность и приведет к трагическому исходу.

В подтверждение своей правоты поведала историю о том, что в одном степном крымском селе, где поблизости, ни речки, ни пруда и болота, цыганка нагадала матери мальчишки, что тот погибнет от воды. Так оно и получилось, подросток хотел в колодце набрать воды, но слабо привязал дужку ведра к веревке, поэтому под тяжестью воды оно сорвалось и утонуло.

Тогда он, чтобы не перепало от матери за утопленное ведро, возвратился домой, взял "кошку", это такое приспособление в форме маленького якоря с четырьмя острыми лапа-

ми-крючьями. Стал тралить дно глубокого колодца, неудачно перегнулся под срубом, потерял равновесие и сорвался вниз. Поблизости никого не оказалось, мальчишка в студенной воде замерз и утонул. Эта трагедия потрясла Светлану.

Она уверовала в примету: что на роду написано, того не миновать. Если судьба сына ей была известна, то о своей она, конечно, ничего не ведала. К астрологам и ворожеем, цыганкам и сербиянкам не обращалась, считая их шарлатанами. Когда приставали, чтобы "позолотила ручку", охотно отдавала деньги, и обходила десятой дорогой. И я с ней была солидарна, ведь когда не знаешь, что тебя ждет впереди и когда настанет твоей смертный миг, то и живется легче, не испытываешь тягостного ожидания беды. Представьте себе, чтобы творилось с психикой человека, если бы он знал день и час своей смерти?

– Да, уму непостижимо, – согласилась следователь. – На мой взгляд, Светлане Евгеньевне необходимо было обратиться к психиатру или психотерапевту для снятия опасного синдрома самовнушения.

– Она не хотела, чтобы о личных тревогах и сомнениях знали коллеги. Лишь со мною была предельно откровенной, – призналась провизор. – Может потому, что эти тревоги тяжело было носить в сердце. У нее возникала естественная потребность поделиться, излить душу и тогда становилось легче. Нечто вроде психологической разгрузки накопившегося негатива.

– Вы правы, в таких ситуациях необходима разрядка, чтобы человек не грыз собственное сердце, а преодолел стресс, вышел из депрессии, – подтвердила Журавина.

– Беда в том, что кошмарные сновидения о гибели сына периодически повторялись, словно запрограммированные в ее сознании, превратившись в навязчивую фикс-идею, которая, как известна, способна спровоцировать суицид.

К счастью, Светлана не наложила на себя руки, не полезла в петлю, хотя, что уж об этом говорить, когда ее постигла такая страшная участь, – голос дрогнул, но Шилова продолжила. – Зато, надо отдать Даркиной должное, она активно занималась образованием сына. Определила его в класс с углубленным изучением английского языка и старательный паренек в этом и других предметах преуспел. Хотя, как знать, если был лодырем, неучем, не знал тот же английский, то может и по иному, не столь трагически, сложилась судьба. Но, увы, нам не дано знать, что день грядущий нам готовит.

Шилова сделала паузу и следователь, чтобы не оборвать ход ее размышлений, терпеливо ждала продолжения.

– После успешного окончания школы Сергей, обладая глубокими знаниями, легко поступил в Запорожский медицинский институт. Усердно учился и одновременно совершенствовал свой английский. Получил диплом и возвратился в Керчь. Стал работать терапевтом в портовой поликлинике, больше известной среди пациентов, как больница водников, обслуживающая рыбаков, работников крупных ПО

"Керчьрыбпром". "Югрыбпоиск", тружеников паромной переправы, судоремонтных заводов и рыбоконсервных предприятий, то есть ведомств морской отрасли. Вполне вероятно, что Сергей до сих пор мог бы работать в больнице водников и, наверняка, дорос бы до должности главного врача. Но, увы, в судьбу вмешался случай.

– Какой случай?

– В начале девяностых годов после развала единого государства все отрасли экономики, социальную сферу, в том числе и медицину, поразил хронический кризис. Сергей, преданный своей профессии и клятве Гиппократ, продолжал работать врачом, хотя он и его коллеги по несколько месяцев не получали зарплату и к тому же она была мизерной. Я сама пережила этот дикий период и знаю, как тяжело жилось и сколько было суицидов. Как молодой мужчина и прекрасный специалист он мечтал о семейном счастье, жене, детях, о работе с достойной зарплатой. Резко изменить ситуацию помогло трагическое происшествие. Парадокс, но складывается по известной поговорке: для кого война, а для кого мать родная. Я, конечно, преувеличиваю, но сложилась схожая ситуация. Теперь то ясно, что та трагедия, спустя несколько лет, породила очередную.

– Что за ЧП и когда оно произошло?

– В 1991 году из-за того, что в составе экипажа среднего рыболовного траулера морозильного СТРМ "Картли" не оказалось специалиста, хорошо знающего английский язык,

капитан и штурман не смогли вовремя среагировать на сигнал о штормовом предупреждении и вывести судно из опасной зоны промысла. Неожиданно накатившая волна—убийца тысячами кубометров воды обрушилась на траулер, мощным ударом сорвала рубку. За сохранения траулера на плаву, его живучесть экипаж заплатил жизнями пяти рыбаков, в основном находившимися в рубке. Она стала для них братской могилой. После доставки тел на берег их хоронил весь город, оплакивали матери, отцы, вдовы и дети.

Вот тогда в целях безопасности и исключения подобной трагедии решили на всех траулерах иметь специалистов, владеющих английским языком. В поле зрения кадровиков попал и Сергей, поскольку близко общался с рыбаками, занимался их лечением и оздоровлением после утомительных многомесячных рейсов в районы промышленного океанического промысла. А добывали рыбу в Атлантике, Индийском океане и в других отдаленных на тысячи миль акваториях Мирового океана.

Сергей подходил по всем статьям, как судовой врач и знаток английского языка. Светлана, постоянно помня о вещем сне, попыталась отговорить сына от новой работы, но тщетно, так как у него другого выбора не было. По натуре человек доброжелательный и коммуникабельный Сергей быстро адаптировался, освоился со спартанским рыбацким бытом, обрел новых друзей, стал любимцем, доктором Айболитом для экипажа.

И, если рядовые рыбаки имели возможность после полугодового пребывания на промысле, по возвращению в родной город и порт, получив взамен долларов боны, отдохнуть от рыбацкой вахты до очередного рейса, то судовой врач и знаток английского был постоянно востребован, нарасхват. Поэтому очень мало проводил времени на суше и, наверное, поэтому не смог обзавестись любимой женщиной.

Между тем, Даркина смирилась с его работой, тем более, что все складывалось благополучно, в ранее бедствовавшей семье появился достаток. Сергей привозил из экзотических стран или же Светлана покупала за боны в спецмагазине "Альбатрос" импортные вещи, радио и бытовую технику, одежду, обувь. Полки в серванте пополнялись причудливыми кораллами, ракушками, масками племен и другими сувенирами из африканских и азиатских стран. Так они и жили втроем: Светлана, Сергей и Снежок. Она мечтала о скорой женитьбе Сергея и вынашивала радостные мысли о том, что если народиться мальчик или девочка, то попросит чтобы его или ее назвали Сашенькой.

А имя будущей невестки для нее значения не имело, главное, чтобы для сына была любящей, доброй и верной женой. А когда сын надолго уходил в рейсы, то, коротая вечера, ждали от него радиogramм и возвращения на родной берег. Искренне полагала, что создав семью, сын распрощается с морями-океанами, бросить якорь на суше. Экономический кризис, массовая нищета когда-нибудь пойдут на спад

и хоть и молодой, но опытный врач— терапевт, тем более со знанием английского языка, будет обязательно востребован на берегу. В одночасье ее мечта рухнула, словно песочный или картонный домик. А тут и саму злодей отправил на тот свет. Упаси, Господь, от такой жуткой смерти. Верно, говорят, что беда в одиночку не ходит.

Шилова, преодолев смущение, перекрестилась.

— Теперь этим мечтам не суждено сбыться, — продолжила провизор. — От прекрасной семьи остался лишь один осиротевший Снежок. Заберу его к себе, иначе пропадет умная собачка. Вдруг, когда ничто не предвещало беды, все в один миг рухнуло. И началось с гибели Сергея.

— Что же с ним произошло?

— Произошла ужасная трагедия. Траулер был пришвартован к причалу порта в одном из арабских городов для пополнения запасов топлива, питьевой воды, для короткого отдыха рыбаков. Капитан, штурман, старпом, а также Даркин в качестве переводчика, по линии общества дружбы, были приглашены на прием в мэрию, как у них принято говорить, на светский раут или ланч. После торжественного мероприятия и легкого застолья, вышли на яхте в залив. Погода была солнечная, а море спокойное.

Вдруг все изменилось, издалека высокой стеной обрушилась волна— убийца. Природа, причины ее образования до сих пор остаются загадкой для ученых и мореплавателей. Тот, кто не успел покинуть палубу и спрятаться в каютах

оказался под водой. Среди них и Сергей, как констатировала медэкспертиза, умер от разрыва сердца. Черная весть о его смерти радиограммой долетела до Светланы. Трудно представить, что творилось в ее душе, передвигалась как тень, пока в течение сорока суток в морозильной камере траулера тело Сергея везли в родной дом.

Черствым, бездушным бюрократам, чиновникам из Министерства рыбного хозяйства и главка, не обеспечивших доставку тела погибшего врача самолетом, не было дела до страданий ее материнского сердца, томившегося в долгом ожидании. Оно рвалось за тысячи миль к своей кровинке. А Сергея везли в холодильнике по соседству с рыбой, пойманной в океане. И девять и сорок суток миновали с момента его гибели, но тело не было еще погребено по христианским традициям.

По моему мнению, хотя это уже не имеет никакого значения, не следовало, тогда было сразу же извещать Даркину о гибели сына. Могли бы это сделать после того, как траулер пришвартовался у причала морского рыбного порта. Но кто и когда задумывался о ранимости чужого сердца?

– Я с вами солидарна. Часто люди своими действиями, поступками и равнодушием, не задумываясь о последствиях, причиняют друг другу раны и укорачивают жизнь, – развила мысль собеседницы Марина Юрьевна. – Для родителей, особенно, матерей преждевременная смерть или гибель детей – самый страшный удар и невыносимая боль. Ведь это

противоестественно, когда родители, а не наоборот, хоронят своих детей. Упаси Господь, от такой ужасной участи.

– Мы в те черные для Даркиной дни, как могли, старались ее поддержать, чтобы с горя не наложила на себя руки, – призналась Шилова. – Убеждали ее в том, что с гибелью Сергея жизнь не кончается. Конечно, ей было бы намного легче, если бы он оставил ей невестку, внука или внучку, чтобы текла родная кровь. Но это не случилось и Светлана Евгеньевна осталась совершенно одинокой. Я старалась чаще бывать у нее в гостях, чтобы не впала в депрессию, апатию, преодолела стресса не возникло синдрома ненужности. Внушала ей мысль, что время залечивает самые глубокие раны. Члены экипажа, потрясенные гибелью любимого врача, собрали деньги на похороны, будущий памятник и для повседневных потребностей. С того дня она жила одной мечтой и заботой – установкой памятника из гранита и мрамора на могиле сына. Терпеливо ждала, когда осядет земля.

– Осуществилась ли эта мечта? – поинтересовалась следователь.

– Да, полгода назад. Но, если бы знали, сколько это стоило Светлане нервов и денег, – вздохнула провизор. – Узнали о том, что у нее есть валюта, а может, она и сама невольно проговорила по доброте своей душевной, мошенники стали тянуть волынку с исполнением заказа. То подходящей глыбы гранита и мрамора не могли раздобыть, то скульптор требовал высокий гонорар, любыми способами вытягивали

доллары. Лишь полгода прошло, как установили памятник. Она была довольна, что, наконец, удалось исполнить последний долг перед сыном. На черном мраморе изображена роза и высечены слова: "Господи, благодарю тебя за то, что у меня был такой сын".

– Марина Юрьевна, если не возражаете, то я обязательно покажу вам могилу и памятник?

– Не возражаю. Впрочем, у нас будет печальный повод, – напомнила Журавина. – Ведь как только будут найдены остальные фрагменты тела Даркиной, мы предадим их земле.

– Товарищ следователь, майор, у вас больше возможностей, власти и связей с чиновниками исполкома и его коммунальных служб, ведающих кладбищем. Походатайствуйте, чтобы тело Светланы Евгеньевны разрешили похоронить рядом с могилой ее сына. Тогда памятник для них станет общим. Останется только на мраморе высечь надпись о том, что здесь погребена раба божья Даркина С.Е. и соорудить общую оградку. В одночасье исчезла прекрасная семья и некому о них будет позаботиться, принести цветы на могилу, поплакать... Коллектив аптеки и мы об этом уже говорили с Луцкой, соберем средства на отпевание в церкви Александра Невского, на гроб, венки и на поминки.

– Постараюсь, насколько это в моих силах, посодействовать выполнению вашей просьбы, – пообещала следователь. – Но сейчас надо найти и задержать злодеев, отыскать

останки. Голову и руки отправили в морозильную камеру морга.

– О, Господи, опять морозильная камера... злой рок, – прошептала провизор и перекрестилась. – Сердце сжимается от боли и беспомощности, невозможности что-либо изменить. За что этой прекрасной, скромной женщине и ее сыну выпала ужасная доля? Другие, никчемные людишки, доживают до глубокой старости без всяких страданий и иных проблем. Кто правит миром, человеческими судьбами, где справедливость?

– Не рвите сердце, Нина Михайловна. Люди нескоро, если вообще когда-нибудь, смогут получить ответы на эти вопросы и в ближайшей, и в отдаленной перспективе. Без тайн и загадок в природе, в сути человека, жить было бы неинтересно, – заметила следователь. – А где же бывший муж Даркиной, отец Сергея? Поддерживал ли с ними отношения?

– Светлана Евгеньевна не была замужем, брак не зарегистрирован, поэтому считалась матерью-одиночкой, – ответила Шилова. – К сожалению, еще не перевелись мужланы из категории "поматросил и бросил". Но она, понимая, что лучшее время для беременности и родов уходит, очень хотела ребенка и поэтому об аборте не помышляла. От кого она зачала, так и не открыла тайну, унесла с собой на тот свет. Ей было присуще чувство собственного достоинства, гордость, поэтому после рождения младенца не стала, как иные роженицы, требовать проведения экспертизы на группу и резус

крови, ДНК для установления отцовства и взыскания алиментов. Назвала мальчика в честь своего отца, погибшего в ДТП, Сергеем, а отчество записала дедово.

– Живы ли ее мать, братья, сестры?

– Светлана была единственным и поздним ребенком в семье. Ее мать, Елизавета Алексеевна, уже в преклонном возрасте, живет в Кемеровской области. Светлана каждый год ее навещала, хотела забрать к себе, но мать, как впрочем, многие старые люди, не хотела срываться с родных мест, от могилы супруга, после гибели, которого так и осталась вдовой. Даркина в свою очередь не могла оставить могилу сына, считая отъезд предательством. Так и металась между городом и селом. Весть о гибели дочери станет для нее страшным ударом и может стать роковой. Вот я и думаю, следует ли ее извещать о трагедии? Может потом, после погребения?

– Сложная ситуация, дилемма, – согласилась майор. – В этом деле я вам не советчик. Решайте в коллективе, все тщательно взвесьте, чтобы потом не пришлось еще хоронить и старушку.

– Летального исхода больше всего и опасаясь, – сказала Шилова.

– Подскажите, кто еще кроме вас дружил со Светланой и был вхож в ее квартиру?

– Со всеми сотрудниками аптеки у нее были теплые и ровные отношения, но из близких подруг, пожалуй, только я ее хорошо понимала.

Журавина раскрыла альбом на журнальном столике и перелистала его, вглядываясь в цветные и черно-белые фотографии. На большинстве из них рядом с Даркиной был изображен молодой мужчина, ее сын Сергей: на горе Митридат у обелиска Славы, у входа в Царский курган, на набережной Керченского залива у белой ротонды...

На некоторых снимках Светлана Евгеньевна и Сергей были изображены отдельно и крупным планом. Можно было разглядеть не только миловидное лицо женщины, не злоупотребляющей косметикой, но и детали ее платьев, блузок и кофточек, на груди – золотая цепочка с крестиком, в мочках – серьги с топазом, на запястье часы "Чайка", на пальце – перстенок. Сергей был изображен в морской форме, а также в тельняшке среди друзей рыбаков или аборигенов на фоне пальм и экзотических пейзажей дальних стран, в той же Гвиней-Бисау или Лас Пальмасе, где находилась ремонтная база объединения и работали земляки из РПК.

– Даркина со вкусом одевалась, на ней и сыне все импортное, – подметила следователь.

– Светлана тонко чувствовала эстетику, красоту и гармонию, – сообщила Шилова. – Лишь последние четыре года, после того, как Сергей пошел в заграничное плавание и стал зарабатывать бонны и доллары, в их семье появился достаток, они

приоделись в магазине "Альбатрос", а кое-какие вещи и сувениры он привозил из рейсов. Не скажу, чтобы они жили на широкую ногу, шикавали и форсили перед соседями.

Жили скромно, но материальное положение, конечно, улучшилось, не испытывали, как прежде, острого дефицита в средствах. Наоборот, Светлана охотно, даже с каким-то чувством вины, что людям живется тяжело, одалживала деньги коллегам и знакомым, без всякой гарантии их возврата. Не устанавливала срока, не требовала процентов за кредит, говорила, когда будете иметь возможность, тогда и возвратите долг. Не то, что иные зажиточные куркули, в то время, да и теперь наживающие капитал на бедах и страданиях простых и доверчивых граждан. Некоторые из тех, кому помогала, злоупотребляли ее добротой, "забывали" возвращать долги.

– Вы тоже ей должны?

– Нет, конечно, нет, хотя, как оценивать понятие "долг", ведь все люди, я не имею в виду лишь материальную сторону, в долгу друг перед другом, – по-философски рассудила Шилова. – Но по деньгам у меня перед Светланой нет никаких обязательств, иначе бы нас столько лет не связывала крепкая и искренняя дружба. Если помните, то у Михаила Булгакова в "Мастере и Маргарите" есть афоризм о том, что отношения между людьми портит квартирный вопрос.

Я бы добавила к этому еще и деньги, валюту. Особенно сейчас, когда все ударились в коммерцию и обогащение лю-

быми, в том числе преступными методами, что породило такие пороки, как эгоизм, алчность, стяжательство, потеснив на обочину многие добродетели: любовь к ближнему, честность, доброту, бескорыстие и милосердие. Сколько людей, в том числе близких родственников, рассорились, стали лютыми врагами.

– Вы хорошо знаете литературу, – похвалила Журавина.

– Писатели, мыслители, на многие события и вещи раскрывают глаза. Ведь то, что касается природы, психики, характера и потребностей человека, повторяется из поколения в поколение, – ответила провизор. – Но каждый пришедший на землю, делает для себя открытия, в том числе в сфере взаимоотношений.

– Я с вами, Нина Михайловна, полностью согласна, – сказала Марина Юрьевна. – Похоже на то, что убийство Даркиной связано с корыстными, алчными побуждениями злодеев. Подскажите, может, кто из сотрудников задолжал Светлане Евгеньевне и таким радикальным способом решил избавиться от проблемы, наняв киллера? Какие отношения были с Луцкой? Начальники, считая услуги презентом, не торопятся возвращать долги подчиненным. Отлично знают, что те, ради сохранения рабочего места, не станут "гнать волну" и "катить бочку" на руководителя-крохобора.

– Непорядочно, неэтично доносить на тех, с кем работаешь рядом, – твердо с заметным упреком ответила Шилова.

– Поймите и не обижайтесь, Нина Михайловна. Меня до

глубины души потрясло это жуткое преступление, хотя за время службы всякое довелось видеть, – смягчила тон следователь. – Я хочу, чтобы вы не дискутировали на тему: что такое хорошо, а что такое плохо, а посодействовали раскрытию преступления. В свою очередь я сделаю все, чтобы убийца был изобличен и наказан по всей строгости закона. Но, к сожалению, в стране смертная казнь отменена из соображений защиты прав человека, гуманности.

Только политики, депутаты не понимают или не желают понять, что преступник, лишаящий свою жертву жизни, не помышляет о гуманизме. Для меня это не праздный интерес. Чтобы установить личности заказчика и исполнителя преступления, я должна знать с кем из сотрудников у Даркиной в последние дни были натянутые отношения? Ей за добро могли отплатить черной неблагодарностью.

– Марина Юрьевна, я к вам в доносчики не нанималась и не намерена это делать, – твердо стояла на своей позиции провизор.

– Это не донос, а гражданский долг помочь в раскрытии злодеяния, – внушала следователь и угрожающе предупредила. – Или вы желаете, чтобы вам выписали повестку и допросили, тогда шило в мешке утаить не удастся?

– Значит, с пристрастием? – насторожилась Шилова.

– Лишь в крайних случаях, – уклончиво ответила майор, зная, что иногда сотрудники угрозыска в пылу азарта превышают свои полномочия, вдавливают в буквальный

смысле, Уголовный кодекс, в головы упрямых подозреваемых, подсаживают в камеры утку– стукача.

– Никого я не хочу подставлять, – сухо произнесла Шилова. – Мне же потом будет стыдно людям в глаза смотреть. Если вы и дальше будете разговаривать со мной таким менторским тоном, то я не пророню ни одного слова, – провизор решительно поднялась с кресла и направилась из гостиной в прихожую.

Ощувив твердость ее характера, Журавина поняла, что перегнула палку и решила исправить положение:

– Извините, Нина Михайловна, профессия накладывает негативный отпечаток. Ведь часто приходится иметь дело не с лучшими представителя общества, с матерыми преступниками, закоренелыми рецидивистами и мелкими правонарушителями. Поэтому не обижайтесь. Скажите, кто еще был вхож в квартиру Даркиной?

– Понимаю, – сдержанно улыбнулась Шилова. – Не знаю, чтобы еще кто-то бывал у нее в гостях. Хотя неделю назад Светлана вскользь рассказала мне о том, что на рынке познакомилась с женщиной, которая скупает импортные вещи, в основном одежду и возит их через пролив на вещевые рынки Краснодара и Темрюка. Что, мол, она, узнав о трагической истории, проявила интерес к Сережиным вещам, сорочкам, костюмам, брюкам, джинсам, галстукам, практически новым. Челночница подбивала ее на то, что продаст вещи из расчета десяти процентов от суммы, вырученной от реали-

зации товара.

– Светлана Евгеньевна согласилась?

– Точно не знаю, состоялась ли купля-продажа, но помню, что я пыталась ее убедить, отговаривала, чтобы она не связывалась с торговками, среди которых немало аферисток. Света, взывала я к ее сердцу, понимаю, что тебе жутко находиться в квартире, где все напоминает о сыне и кажется, что он позвонит в дверь, войдет и ласково обнимет после долгой разлуки. Не торопись продавать вещи, хранящие его тепло, ведь они попадут в чужие и, может быть, недобрые руки.

Время – лучший лекарь. Раны зарубцуются и не исключено, что тогда ты будешь сожалеть, что не сохранила сорочку, галстук и другие вещи любимого сына. Она мне на это ответила: "Нина, время притупляет боль, но чувствую, что мне отпущено жить немного на этом свете. Ощущаю кожей и сердцем, как оно стремительно истекает, словно песок в часах. Без Сережи жизнь для меня потеряла смысл. Он зовет меня к себе.

Эти слова она произнесла со щемящей сердце болью, безысходностью и отрешенностью в глазах. Теперь, когда памятник установлен, и могила сына не затеряется, у нее не осталось другой цели. Она словно прощалась с этим миром, который встретил ее жестокостью.

– Она назвала имя женщины-торговки?

– Может, и промелькнуло в разговоре, но я не запомнила.

– С исполнителями заказа на сооружение памятника были

трения, конфликты?

– Как только построили, сорвали солидный куш и отста-
ли, – сказала Шилова. – А как на самом деле, не знаю. Могли
ведь и польститься на ее имущество, валюту и золотые юве-
лирные изделия.

7

Вопреки сомнениям Ясеня, что полковник Сиротин, со-
славшись на неважное самочувствие и усталость, откажется
от поездки в поисках Сидора, ветеран проявил интерес.

– Я – человек военный, офицер, поэтому следую принци-
пу, что приказы не обсуждаются, а четко выполняются, – за-
явил Иван Ильич и заметил. – В военные годы на полную
катушку работал трибунал и предателей, трусов и паникеров
пускали в расход или отправляли в штрафбат, чтобы соб-
ственной кровью смыли позор. Со СМЕРШем шутки были
плохи.

– Иван Ильич, нынче другое время. Вы свой долг с честью
исполнили и вам, полковнику, я, младший по званию, лей-
тенант, не смею приказывать, – напомнил Максим. – Дело
сугубо добровольное.

– Согласен, какая форма одежды, мундир с наградами или
штатский костюм? – взбодрился Сиротин.

– Мундир приберегите для торжественных мероприятий,
одежда обычная, в которой занимаетесь рыбалкой или сбо-

ром грибов, ягод или целебных трав.

– Рыбалку я обожаю. Прежде выходил с приятелем на лодке в Азовское море в районе Мамы Русской, Борзовки и Жуковки, а теперь изредка рыбачу на Бочарке с камней или на набережной, у ковша, что у рыбного порта, – признался ветеран.

– Вы же представляете, где может прятаться Хорь?

– Известно где, ночью – в подвалах или на чердаках домов, а днем ошивается на рынках, возле питейных заведений, где всегда есть, чем поживиться, да и народ у нас милосердный, всегда подадут ломоть хлеба.

– Вот по этим "достопримечательностям", а также притонам и значным местам нам и предстоит совершить экскурсию.

– Тогда, лейтенант, если не возражаешь, то я возьму с собой армейский бинокль, чтобы хорошенько издалека можно было разглядеть Сидора, – спросил полковник. – Зрение у меня не то, что в молодости.

– Одобряю, очень верное решение. Будете высматривать бомжа по ходу движения машины, – предложил Ясень. Сиротин собрался быстро, словно по боевой тревоге. На темно-зеленом УАЗе они выехали по заранее спланированному маршруту в поисках мест, облюбованных бомжами. Два часа колесили по центральному и блошиным рынкам, останавливались возле затрапезных и дешевых кабаков– забегаловок для простого народа. Ясень поинтересовался у одного из бо-

родатых бомжей:

– Где обитает Хорь?

Но тот замотал платой головой, разбрасывая блох и перхоть. Толи, действительно, не знал, где обитает его коллега, толи решил не выдавать товарища по горькой судьбе.

Когда проезжали вдоль гаражного кооператива вооружившийся биноклем, Сиротин с радостью закричал:

– Лейтенант, гляди вправо, там Сидор!

Максим увидел неказистого, среднего роста худощавого мужчину в длинной куртке, явно с чужого плеча, бредущего поблизости от металлических коробок гаражей.

Сержант– водитель авто проявил инициативу и посигналил. Бомж обернулся увидел милицкий автомобиль и дал стрекача. Лейтенант с осуждением взглянул на водителя и велел остановиться. Выскочил почти на ходу. и устремился в погоню.

– Стоять, Хорь! Стреляю без предупреждения! – закричал Ясень и для пущего устрашения схватился рукою за пустую кобуру под расстегнутым бортом кожаной куртки. Но бомж только поддал жару. Лейтенант настиг его в тот момент, когда беглец намеревался протиснуться в узкое пространство между металлическими гаражами. Цепко схватил его за плечо, развернул на месте и ловко защелкнул наручники на запястьях дрожащих рук. Переводя дыхание, спросил:

– Почему убегал, не остановился? Я ведь мог и стрелнуть.

– Потому что, когда за тобой гонятся, надо убегать, чтобы не побили, как сидорову козу, – пояснил мужчина, по изможденному, землистого цвета лицу, запавшим с седой щетиной щекам которого трудно было определить возраст.

– Как фамилия? Отвечай!

– Сидор, Сидор Платонович Брунько, – ответил небритый мужчина, прощамкав беззубым ртом.

– Платоныч? Отец что ль мыслителем, философом был?

– Кузнецом в колхозе работал. Жеребцов подковывал...

– Сам, где прописан?

– Нигде, сплю там, где ночь застанет.

– Давно бомжуешь?

– Четвертый год после того, как бандиты квартиру отобрали.

– Печальная история. Восстановите справедливость через суд, – посоветовал офицер.

– Какой там суд? – махнул он рукой. – На харчи денег не хватает, того и гляди, с голодухи ноги протяну. А на услуги адвоката нужны доллары.

Они подошли к УАЗу.

– Что ж ты, Сидор, словно заяц, дал стрекача? – упрекнул его полковник. – Мы тебя уже третий час разыскиваем.

– Никто вас об этом не просил, – угрюмо ответил бомж. – Я никому не нужен и все вы мне по барабану.

– Очень, очень нужен, Платоныч, – возразил лейтенант. – Колись, гурман-людоед, отведал свежины?

– Я – не людоед. Давно мясо не ел, – часто заморгал глазами Хорь. – Питаюсь только тюлькой и килькой. Что Бог и добрые люди подадут, тому и рад. Да не отсохнет рука дающего.

– Не рассказывай сказки про белого бычка. Кто, по-твоему, целый пак мяса на зиму заготовил? Признайся, где остальное мясо подевал? Посолил или продал?

– Какое мясо? Ничего я не готовил.

– То, что оставил в подвале.

– Ничего я не оставлял. Все свое ношу с собою.

– Ох, ты, мыслишь, словно древнегреческий философ, – удивился Максим, вспомнивший этот мудрый афоризм. – Ладно, подумай хорошенько над своим незавидным положением. Марина Юрьевна, майор, живо тебе язык развяжет.

– Ты меня, гражданин милиционер, не страшай. Я все свои страхи уже испытал, теперь терять нечего, – проявил строптивость Сидор.

– Значит, не знаешь, где мясо? А почему рукав куртки в крови?

Бомж невольно спрятал руку за спину, тем самым, выдав себя. Лейтенант запер его в заднем отсеке авто, так как в салоне он бы надолго отравил атмосферу. Пришлось бы водителю проводить дезинфекцию и использовать стойкие дезодоранты. Ясень по портативной радиостанции "Тантал" связался с Журавиной:

– Товарищ майор, задержали мы гражданина Брунько.

– Какого Брунько?

– Бомжа по кличке Хорь. Что с ним делать, куда доставить?

– Везите на место, проведем следственный эксперимент, – велела она.

8

– Вот, товарищ майор, гражданин Брунько по кличке Хорь собственной персоной, —представил лейтенант следователю задержанного бомжа. – Хотел скрыться, что давало мне право на применение огнестрельного оружия при попытке бегства, но я проявил милосердие. Прибавил скорости и догнал...

– Да, гуманизма и скромности тебе не занимать, – с иронией заметила Журавина, а Ясень продолжил в том же духе. – Вы же знаете, что у меня первый разряд по легкой атлетике, на спринтерских дистанциях никому не удастся уйти. Его тоже настиг возле гаражей.

– Что же вы, Сидор Платонович, докатились до такой жизни? Ни двора, ни кола, – вздохнула Марина Юрьевна. – Впрочем, каждый человек кузнец своего счастья.

– Да, мой отец Платон, царство ему небесное, был хорошим кузнецом, а я всю жизнь на стройке каменщиком проработал.

– Всю жизнь? Сколько же вам тогда лет?

– Пятьдесят три, – ответил он, хотя и выглядел на 65.

– Это еще не старость, а зрелый возраст. Скажите, вы раньше бывали в гостях у Даркиной?

– Нет, не бывал, не знаком. Сам ни к кому в гости не хожу и к себе не приглашаю, —не без гордости заявил бомж.

– В ваши апартаменты, что в подвале никто, разве, что наркоманов, слесаря или сантехника из жэка, никого другого калачом не заманишь, – усмехнулся Максим.

– Вы ночевали в подвале этого дома?

– Да, ночевал, но решил уйти.

– В таком случае, Сидор Платонович, рассказывайте, что произошло? Только не сочиняйте сказки. Предупреждаю вас об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, – строго изрекла следователь. – Ничего не скрывайте, выкладывайте честно, как на духу. Как пакет с частями тела Даркиной оказался в подвале? Может, вы убили невинную женщину?

– Нет, нет, упаси Господь. Не брал я грех на душу, – вместо того, чтобы перекреститься, замахал он руками. – Дело, значит, было так. У меня в подвале есть лежак, из старого дивана смастерил, как говорится, голь на выдумку хитра. Положил его на трубы, чтобы не сильно пекло, когда они горячие. Прошлым днем мне удалось заработать на рынке пять гривен, помог грузить муку и другие товары, а еще две гривны выручил от сдачи бутылок. Под вечер купил две "красные шапочки", так называем спирт, разбавил его обычной водой,

полбуханки хлеба и банку консервы "братская могила".

– Братская могила? Что это такое?

– Это консервы "Кильки", – охотно пояснил бомж. – Рыбешки тощие перемешанная в томатном соусе. Выпил я, закусил килькой. Лег спать, так бы и дрых до утра, но среди ночи услышал за стеной, какой-то стук.

Подумал, что это милиция устроила облаву на таких, как я. До чего доходит, что двери и окна в подвалы заваривают решетками и листами жести, а в подъездах ставят стальные двери с закодированными замками от бомжей. А где, таким, как я ночевать? Из вокзалов гонят, остается осенью и зимой, когда морозы, околеть на улице, как собака. Хоть вы за нас словечко замолвите перед большими начальниками...

– Итак, вы услышали стук, – возвратила его в русло темы Журавина.

– Да, услышал стук, поднялся с лежака и осторожно выглянул в окно. Гляжу поблизости в траве большой пакет. Вот я и решил, что какой-то лодырь, чтобы не нести пищевые отходы к мусорным бачкам, выбросил их из окна или балкона. Думал, что удастся поживиться. Пригнувшись, добрался до пакета, схватил его и поволок к окну. Едва успел затащить в подвал, как слышу, еще что-то упало. Не стал смотреть, решил что мне и одного пакета, если там харчи, то намного дней хватит.

Любопытство меня так разобрало, что на полпути к лежаку решил развязать и глянуть, что там за добро подвалило,

с неба свалилось? Развязал узел, а в подвале темно, как извините, у тигра в жопе, хоч глаз выколи. Вот я и сунул туда руку, чтобы определить на ощупь. А там что-то мягкое и скользкое. Тогда я зажег спичку, поднес к пакету, а на меня кровавая голова смотрит и пальцами рук шевелит.

Я так испугался, что весь затрясся. Бросил пакет и забился со страху в свой угол. Лежу и дрожу, словно заячий хвост. Чтобы успокоиться, выпил остаток разбавленного спирта, закусил килькой. Мне вдруг стало жутко. А за стеной снова гук и гук, наверное, другие пакеты падали. Тогда только до меня дошло, что тот, кто их бросал, посчитает, что одного нет. Станет искать, обязательно в подвал залезет и меня, как ту несчастную бабу, зарежет, секир-башка. А жить то каждому хочется. Тогда я вылез из окошка и дал деру, чуть сердце из груди не выскочило.

– Когда убегали кого-нибудь встретили? – спросила следователь.

– Возле дома чуть не столкнулся с двумя людьми. Они, кажется, шли в сторону пакетов.

– Разглядели, кто это были, мужчины или женщины?

– Черт их знает, со страху не разглядел. Было двое и один нес тяжелую сумку.

– Сидор Платонович, почему не заявили в милицию?

– Так вы же меня потом и посадили бы и попробуй, докажи, что я не верблюд и никого не резал, – нашел он аргумент.

– Пройдемте на балкон, сверху покажите, где лежали па-

кеты, – предложила майор, он послушно последовал за женщиной, Черенковым, Ясенем и Кочетком. Глянул вниз и указал рукой:

– Смотрите, вон там, где примята трава, лежал пакет, который я затащил в подвал. Черт меня дернул польститься на чужое добро.

– Значит, труп Даркиной злодеи расчленили и упаковали. Спустись вниз и проверь, там, наверняка, остались следы крови, – велела она Ясеню и тот отправился выполнять приказ, а она продолжила. – Пожалуй, похоже на то, что пакеты они не сбросили, а спустили на веревке, чтобы не потревожить жильцов.

– Зачем такие усложнения, они могли вынести пакеты через входную дверь по лестнице, – предположил Черенков.

– Судя по обнаруженным пятнам крови, они и пытались это сделать, – заметила Марина Юрьевна. – Но что-то их остановило? Может, кто-то зашел в подъезд, либо решили не рисковать?

– Вполне логично, – подтвердил участковый. – Где же остальные фрагменты тела, ковровая дорожка, веревка или трос, с помощью которого их спускали вниз?

– Если, конечно не воспользовались автомобилем, то с тяжелыми пакетами они далеко уйти не могли, где-то спрятали. Необходимо обследовать местность в радиусе двухсот-трехсот метров, – сделала вывод следователь и, не найдя среди сотрудников прапорщика Деренбая, спросила. – А где наш

доблестный кинолог, которому не дают покоя лавры Никиты Карацупы?

– Он на выезде с Дозором, – ответил эксперт-криминалист Кочеток.

– Что-нибудь серьезное?

– Какой-то любитель-собаковод позвонил в дежурную часть о том, что возле одного из колодцев канализации собрались бродячие псы. Туда же, вырывая из рук поводок, подался и его доберман, с которым он вышел на прогулку. Мужик открыл крышку люка, увидел большие пакеты с неприятным запахом.

– Где этот колодец находится?

– В ста метрах от дома, где квартира Даркиной.

– Что же вы не поехали с Деренбаем на место?

– Так вы же, Марина Юрьевна, сами назначили совещание, а я – человек исполнительный, дисциплинированный.

– Эх, коллега, да другой бы на вашем месте, сразу бы рванул туда, – укоризненно покачала она головой.

– Товарищ майор, инициатива наказуема, – усмехнулся Кочеток. – Я давно зарубил себе на носу, что спешка нужна при ловле блох.

– Лучше бы вы зарубили себе в другом месте или завязали узелок на память. Обладать такой информацией и молчать, – упрекнула Журавина. – Живо снимайтесь с якоря. Не исключено, что найдены остальные фрагменты тела Даркиной.

– Так точно, товарищ майор! – поднялся старший лейте-

нант.

– Если моя версия верна, то сразу же сообщите, – велела она.

Спустя полчаса, когда следователь находилась в своем кабинете в здании милиции. раздался телефонный звонок. Он сняла с рычага трубку и услышала голос эксперта-криминалиста.

– Товарищ майор, вы оказались правы на все сто процентов, – с оптимизмом сообщил Кочеток. – В колодце обнаружили два пакета. Что характерно, на них те же стальные кольца, снятые с гардин. В одном свернутая, окровавленная ковровая дорожка, судя по порезам ткани, на ней разделивали труп, а во втором пакете верхняя часть туловища, грудная клетка, живот.

– Так это же не все тело?

– Не волнуйтесь, нашли в последнем пакете и остальные части, ноги и бедра. Дозор умница привел нас к ближайшему, толи озеру, толи болоту в камышах, – продолжил он. – С помощью рыбаков вытащили пакет.

В нем кроме ног и бедер нашли бельевую веревку с крючком из согнутого гвоздя двухсотки и самодельный нож из штыка с лезвием пятнадцать сантиметров. Хотя он побывал в воде, но попытаюсь в своей лаборатории обнаружить на рукоятке ножа отпечатки.

– Действуйте, я за вас рада, – вдохновила она.

– Товарищ майор, а вам не приходила в голову мысль, что та же Шилова, которая представляет себя лучшей подружкой погибшей, могла навести убийц и грабителей на ее квартиру? – предложил версию эксперт-криминалист Кочеток. – Вошла к ней в доверие, развела, где и что лежит и в удобный момент дала наводку или сама с подельником провела операцию. Ведь женщины отличаются не только добротой и нежностью, но изобретательством, коварством и жестокостью, они прирожденные актрисы...

– Вы, что же и меня считаете коварной и жестокой?

– Нет, вы приятное исключение, потому что служите в милиции и долг обязывает быть верной присяге.

– Спасибо за неуклюжий комплемент.

– Пожалуйста, мне не жалко, – улыбнулся старший лейтенант и продолжил. – Так вот, эта Шилова втерлась в доверие. Подумайте, кому Даркина могла среди ночи открыть двери? Только человеку, которому верит, а это провизор, других я не знаю. Замок и двери по заключению технической экспертизы, до того, как ее открыл слесарь, не были повреждены монтировкой или отмычкой. Значит, хозяйка сама впустила коварную гостью. По моему мнению, Шилову надо взять под арест, пока не сбежала.

– Но Брунько, он же Хорь, показал, что грабителей было двое, – вставил реплику Ясень.

– Это ничего не меняет, а лишь подтверждает мою версию, – отозвался Кочеток. – Шилова впустила своего поделщика. Вместе они расправились с жертвой, труп расчленили и спрятали, а вещи похитили. Предлагаю взять у Шиловой кровь на анализ, а отпечатки ее пальцев обнаружены на многих предметах.

– Отпечатки – косвенная улика, ведь до преступления Нина Михайловна часто гостила у Даркиной и могла оставить свои "пальчики", – выдала контраргумент Журавина. – Интересно другое. Шилова мне сообщила, что незадолго до убийства Светлана Евгеньевна познакомилась с торговкой, челночницей, сплавлявшей импортный товар, в основном одежду, на рынки Краснодара и Темрюка.

А у погибшей осталось много вещей от сына и возможно их попытаются сбыть. Произошла ли сделка между погибшей и неизвестной женщиной неясно. Нам надо ухватиться за эту ниточку. Для этого предстоит срочная командировка в Краснодар.

– Марина Юрьевна, я отправлю двоих толковых ребят, они пошерстят рынки, – предложил начальник отдела угрозыска капитан Александр Васильевич Тернов.

– Чистить и поднимать шум не надо. Нечего лезть со своим уставом в чужой монастырь, – произнесла майор. – Краснодар в другом регионе России, и поэтому наши действия должны быть предельно корректными, чтобы не наломать дров, не осложнить отношения, но установить личность

неизвестной женщины. Я сама поеду.

– Товарищ майор, вы подменяете угрозыск, покусаетесь на наши функции и хлеб, позвольте вас сопровождать? – с иронией заметил капитан Тернов. – Я со своими операми могу остаться не у дел, безработным.

– Неужели у вас, капитан, нет других забот? – озадачила его Марина Юрьевна. – Вместе с кинологом ищите остальные фрагменты тела.

– Поиск останков уже идет, – сообщил Александр. – Поймите, не женское, не царское дело следователю гоняться за подозреваемыми. Вы – белые воротнички, а мы, опера – чернорабочие, лезем из кожи.

Так начальник отдела уголовного розыска отреагировал на намерение руководителя оперативно-следственной группы (ОСГ) следом за керчанками-челноками отправиться в Краснодар на вещевой рынок.

– Вот и решила вам помощь, подставить свое хрупкое плечо, – улыбнулась Журавина, подхватив тему тяжелой и незавидной участи сыщиков.

– Сами управимся. Отправлю в командировку пару толковых ребят.

– Не скажите, Александр Васильевич, потребуется актерское мастерство, ведь придется общаться с женщинами, – напомнила старший следователь. – Женская психика отличается от мужской, наши действия и поступки часто алогичны, непостижимы для здравого разума. Я не сомневаюсь, что вы

справитесь с заданием, но предстоят пикантные ситуации.

– Какие еще ситуации?

– Не станете же вы прицениваться и покупать у торговки женскую одежду. Например, кофточки, блузки, платья, лифчики и другое нижнее белье. Ведь, как правило, за редким исключением, мужчину под угрозой расстрела не заставишь этим заниматься.

– Действительно, это занятие не для моего ума, – почесал затылок Тернов. – Сдаюсь, Марина Юрьевна, ваша взяла. Впрочем, я тоже не в накладе. В сообществе такой прелестной женщины командировка доставит истинное удовольствие.

– На многое не рассчитывайте, – охладила она его пыл. – Это не свадебное путешествие с медовым месяцем. Мы при исполнении служебных функций..

Подъезжая на автобусе мимо мыса с турецкой крепостью Еникале к паромной переправе. Следователь вспомнила об этом диалоге, возникшем вчера в ходе совещания ОСГ и невольно улыбнулась.

Водитель лихо развернул оранжевого цвета "Икарус" на широкой площадке, в дальнем углу которой в форме русской печи со ступенями возвышался памятный знак в честь подписания соглашения между правительствами Крыма, Москвы и Краснодарского края о строительстве путепровода через Керченский пролив. Но дальше разработки проектов моста, тоннеля, причем без проведения изыскательских работ,

дело не сдвинулось. Воз и ныне там, а разумная идея повисла в воздухе.

Шумные женщины в походной экипировке с сумками, мешками, баулами на металлических тележках, метко прозванных "кравчучками" в честь украинского президента Леонида Кравчука, высыпали на площадку. Спешно, чтобы успеть на первый паром, направились к таможенному и пограничному постам, расположенному на входе и въезде на территорию ГСК "Керченская паромная переправа", действующей уже более полувека, начиная с 1954 года.

Лица бывалых челночниц таможенникам и пограничникам давно примелькались и поэтому досмотр был выборочным и формальным. В основном проверяли паспорта и вызывающую подозрение своей конфигурацией кладь на предмет пресечения провоза оружия, наркотических веществ, антиквариата и валюты в превышающей установленную сумму. Сотрудникам усердно помогала бурой масти спаниель по кличке Альфа.

У Марины Юрьевны была с собой лишь кожаная под цвет коричневой куртки дамская сумочка. Отстала от толпы, предъявила пограничнику служебное удостоверение. Тот в знак согласия кивнул головой. Журавина прошла через турникет на территорию. Увидела поджидавшего ее офицера.

– И охота вам было в такую рань вставать? – приветствовал капитан.

– Эх, Александр Васильевич, каждому свое. Наша служба

и опасна, и трудна, – пропела женщина.

– Вот поэтому я и напросился вас сопровождать, хотя мог бы командировать рядового опера, – признался Тернов. – Вы для милиции ценный работник, обязаны охранять как зеницу ока. Мало ли что может произойти в другом государстве. Глаз да глаз нужен.

– Спасибо за заботу. Очень трогательно с вашей стороны, – оценила она его жест. Они подошли к причалу – эстакаде переправы, к которой с гравийной насыпи тянулись тускло блестящие в сумраке стальные рельсы.

Лет двадцать назад через пролив на дизель-электроходах доставляли пассажирские и грузовые вагоны, цистерны, платформы. Среди металлических ферм, переплетений кабелей сквозь туманное море мерцали сигнальные огоньки. В уютной бухте, защищенной от волн и штормов огромными железобетонными кубами и валунами, на которых виднелись нечеткие, размытые силуэты заядлых рыбаков, свинцово, мелкой рябью поблескивала вода. В стороне у места посадки на паром, а его ожидали из порта Кавказ, что на косе Чушка, блуждали пассажиры, громоздилась ручная кладь.

– Марина Юрьевна, я и для вас приобрел билет.

– Спасибо, это любезно.

– Расстояние небольшое, примерно четыре мили, на полчаса ходу.

– Знаю, часто приходилось переправляться. В Темрюке живут мои родители, теперь это заграница, – сказала следо-

ватель.

– Де-факто граница еще не определена, – отозвался Тернов. – Условной является бывшая административная граница между Крымом и Краснодарским краем, существовавшая в бытность Советского Союза. Дипломаты уже более десяти лет не могут договориться о демаркации границы в Азовском море и Керченском проливе.

Украинцы настаивают о проведении границы по поверхности моря, претендуя и фактически владея Керчь-Еникальским судоходным каналом и взимая за проводку судов десятки миллионов долларов в год, а россияне требуют обозначить границу по дну. Это является камнем преткновения, хохлы не желают по-братски делиться морскими и подводными ресурсами, запасами природного газа Семеновского месторождения.

– Таков менталитет, – усмехнулась офицер и, привлеченная гулом, обернула взор на бухту. В нее узкий створ, работая гребными винтами, входил дизель-электроход и от его бортов волны накатывали на железобетонные кубы, а в воздухе с криками пикировали чайки и бакланы.

– Дождались своей кареты, – пошутил капитан. Зашумела толпа потенциальных пассажиров, задвигалась, словно капли ртути.

Вскоре после того, как на причал по трапу сошли прибывшие пассажиры, а по сходням съехали легковые и грузовые автомобили, автобусы, началась посадка. Вахтенный матрос

со скучным видом, чтобы "зайцы" не проникли на борт лодки, мельком проверял билеты. Тернов и Журавина, внешне походившие на супружескую пару, расположились у правого борта, а женщины и мужчины с тележками, сумками, мешками и баулами — на палубе у надстройки.

"Которая из них? — глядя на разновозрастных женщин, размышляла следователь. — Не все же они труженицы прилавка? Наверняка, есть среди них учителя, инженеры, музыканты, художники..., которые не от хорошей жизни занялись этим унизительным челночным бизнесом "купи-продай". Будь у людей постоянная работа с достойной зарплатой, разве они напрягались бы под тяжестью, от которой отрываются руки и есть риск обрести грыжу и другие болячки.

Может в иной ситуации Даркина осталась жива, не подверглась грабежу, если бы бездарные горе-политики не отдали страну на откуп мародерам из их же числа, ставших олигархами, а народ не довели до нищенского состояния. Все взаимосвязано, если кто-то из нуворишей сказочно разбогател, то тысячи честных и трудолюбивых граждан обнищали. Но меч возмездия не всегда сечет, действительно, повинную голову тех, кто своей политикой создал условия для беспредела, расцвета криминала.

Главные виновники остаются неприкасаемыми и недосягаемыми для Фемиды. Вот в чем трагизм, парадокс и абсурд смутного времени социальных потрясений и псевдореформ". Чтобы не вызвать у пассажиров подозрение, переве-

ла взгляд на буруны воды, обтекающие стальной борт судна. Вдали цепочкой светились огни на косе Тузла, расположенной напротив мыса Ак-Бурун.

– О чем задумались, Марина Юрьевна? – прервал капитан ход ее мыслей.

– О превратностях и парадоксах жизни.

– А если конкретно?

– О том, если бы уровень жизни граждан был выше, то меньше бы совершалось преступлений, хотя злодеяния полностью изжить невозможно, так как идеальных государств и обществ не существует, всегда будут причины и мотивы для агрессии, насилия и других пороков, – сказала следователь. – Во всяком случае, у злодеев, ради корысти, не возникло бы необходимости убивать Даркину и других граждан. А нам не пришлось бы сейчас ехать в командировку. Куда ведет нас рок событий и что готовит впереди? Все в этом мире стихийно, непредсказуемо и зыбко...

– У вас философский, аналитический склад ума, – похвалил Тернов. – С такими задатками – прямая дорога в политику.

– Там много грязи, коварства, подлости и предательства, – твердо сказала она и пояснила. – И прежде депутаты, министры и чиновники, выйдя из народа, никогда туда не возвращались. А нынче другая песня: вышли мы из криминала, в нем останемся и очень этим гордимся. Такова извращенная до цинизма мораль.

– Полностью с вами солидарен, – искренне признался капитан.

10

В порту Кавказ после формальностей на погранично-таможенном посту, пассажиры заняли места в автобусе и через два с половиной часа прибыли в Краснодар. С автовокзала, не мешкая, направились на вещевой рынок. Журавина и Тернов, не выпуская из вида своих землячек, последовали за ними. Керчанки на гудящем, словно рой диких пчел рынке, отыскивали подобные проплешинам, свободные места.

Разложили из сумок свой товар, в основном одежду, а также предметы бытовой химии (краски, лаки, олифу), наборы стальной эмалированной посуды, изготовленной на металлургическом комбинате имени Войкова, миксеры и мелкие электроизделия, выпускаемые на приборостроительном заводе ВПК "Альбатрос", так не взлетевшем из-за развала единого государства.

На этом секретном предприятии планировалось производить электронное, навигационное оборудование для ВМФ, но конверсия с ориентацией на выпуск товаров народного потребления окончательно его доконала. Гиперинфляция, дефицит оборотных средств привели к тому, что вместо дензнаков, купонов, карбованцев, а затем и гривен, с работниками рассчитывались продукцией предприятий.

На комбинате имени Войкова в ходу была своя валюта – "юрчики", которые отоваривались в магазине на территории предприятия. Получив вместо денег натурплату – кастрюли, миски, чайники, кружки и прочее, работники превращались в купцов, стараясь быстрее сбыть товар, чтобы выручить деньги для других потребностей. Рынками сбыта для них стали Краснодар, Темрюк и другие города Таманского полуострова.

Марина Юрьевна и Александр Васильевич, дождавшись, пока земляки разгрузят и разложат товар, направились по рядам мимо киосков и бутиков. Она сфокусировала свое зрение на женской одежде и прошептала, словно их кто-то мог подслушать:

– Пошли поближе к землякам, а то покупатели набегут и весь ширпотреб разметут.

И, действительно, когда они приблизились, молодая женщина примеряла кофточку сиреневого цвета и, завидев Журавину, спросила:

– Как вы считаете, она мне подойдет, к лицу? Большого зеркала нет, чтобы определить, а маленькое не дает общего представления.

– К лицу, к лицу, выглядите моложе своих лет, – поспешно заявила продавец с монгольского типа широким и добродушным лицом, только бы не упустить покупателя. – Берите и носите себе на здоровье.

– На мой взгляд, такой стиль уже вышел из моды, – с ви-

дом знатока заявила следователь.

– Откуда вам знать? Это заграничная, импортная вещь?! – возмутилась продавец.

– Знаю, потому что в отличие от вас, читаю специальные журналы.

Сомневающаяся женщина возвратила кофточку и пошла дальше.

– Она уже была готова купить, и откуда ты такая умная взялась? Отпугнула покупателя, теперь бери сама, коль зависть заела? – упрекнула огорченная землячка.

– Так я для этого и подошла, – снисходительно улыбнулась Марина Юрьевна. – Покажите то гипюровое платье.

– Пожалуйста, – женщина услужливо сняла платье с "плечиков" и Журавина примерила к куртке.

– Оно вам очень к лицу и по комплекции вполне подойдет. Извините, здесь примерочной нет, работаем в таких фронтальных условиях, прикидывает на глазок, но я ни разу не ошиблась, претензий не было.

Следователь обернулась к Тернову:

– Саша, погляди, как я выгляжу?

– Мариночка, дорогая моя, тебе любой наряд к лицу, – ласково произнес капитан, сыграв, как и договорились, роль заботливого мужа и слегка обнял Журавину за плечи.

– Совершенно новое, импортное. Мне его из заграницы знакомый старпом привез, – заметила продавец, довольная тем, что мужчина одобрил выбор и тоже вошла в роль.

– Вы – красивая пара. Еще в Керчи на пароме вас приметила. если бы знала, что вам нужна одежда, мы бы сторговались и не пришлось бы тащиться в такую даль. Это платье я бы сама с большим удовольствием носила, но у меня избыточный вес, поэтому узкое. Берите и носите на здоровье. Здесь у меня одежда особенная, от Версаче и от этой, как ее?

Женщина запнулась, пытаясь вспомнить:

– Дай Бог памяти, от мадам Шинель. Ну, и фамилия, солдафонская, только кирзовых сапог не хватает.

– Да, что вы такое говорите? Какая удача! – приподняв тонкие дуги бровей, удивилась Журавина, едва сдерживая смех, поправила. – Знаменитую француженку величают Коко Шанель, а не шинель.

– Причем, здесь коки, яйца что ли? – не поняла продавец.

– Имя у нее такое необычное, редкое. А прославилась Коко известными на весь мир духами Шанель №5, "Опиум", "Фиджи" и другими.

– Это ж надо такое смешное имя дать Коко? – рассмеялась торговка. – Подругам вроде анекдота расскажу, так они за животы схватятся.

– От Зайцева что-нибудь есть? – следовательно не поделила ее юмора.

– Не знаю таких, они не котируются, – с серьезным видом ответила женщина.

– Странно, что вы их не знаете? Он – первый кутюрье в российском модельном бизнесе, – пояснила следовательно и

поглядела на Александра.

– А тебе, дорогой, Сашенька, купим пару сорочек из катона и шелковый галстук.

– Это тоже уникальные модели, – воодушевилась продавец.

– Им, наверное, цены нет? – подыграл Тернов.

– Цена есть и она красная, но я вам уступлю, как первым покупателям и землякам, – пообещала она. – Оптом всегда дешевле. Мне бы быстрее сбыть и в обратный путь. Может с вашей легкой руки и повезет.

Она достала пакет, готовясь упаковать платье.

– Так вы утверждаете, что это ваше платье? – озадачила ее неожиданным вопросом майор.

– А чье, же еще? – опешила продавщица.

– Эта женщина вам знакома? – Журавина достала из сумочки пакет с десятком фотографий и одну из них подала для обзора.

– Нет, незнакома, впервые вижу.

– А гипюровое платье, что на ней, знакомо?

Продавец замерла: на женщине, изображенной на фото, было платье, выставленное на продажу.

– Как вы объясните этот факт?

– Случайное совпадение. Это только на заказ шьют платья в единственном экземпляре для очень богатых и знаменитых дам, например звезд Голливуда или популярных топ-моделей, – ударила в рассуждения продавщица. – А это платье,

хоть оригинальное и модное, но все же серийного производства, ширпотреб, как в Китае или Корее, где все на одно лицо и в униформе.

– Возможно, – сказала майор, чтобы усыпить ее бдительность и, не возвращая платье, попросила. – Покажите блузку бежевого цвета с подпалинами. Это мой любимый цвет. Похоже, что тоже импортная?

– У меня здесь все импортное. Тоже прекрасная, редкая вещь и совершенно новая, ни разу не ношенная. Отдам вполцены, очень нужны деньги на лекарства и харчи, призналась немного обескураженная женщина.

– Эта блузка вам тоже по размеру не подошла?

– Для дочери покупала, но она ей почему-то не понравилась. Сами знаете, какая нынче капризная и привередливая молодежь, – посетовала работница прилавка. – Вместо приличной одежды, носят рваные в латках джинсы...

– Будьте добры, взгляните, кажется, такую блузку уже носят, – следователь подала вторую фотографию и увидела, как задрожали руки продавца с грубой почерневшей кожей ладони и пальцы с ногтями, не знавшими маникюра.

– Вы, вы, что вздумали меня проверять, ревизию устроили?! – возмутилась она. – Чего вы допытываетесь? И платье ей не нравится, и блузка не по нутру. Не хотите покупать, а только щупаете, то проходите мимо, скатертью дорога. Не морочьте голову, не отбивайте покупателей. И так на вас полчасика потеряла.

– Я не сказала, что вещи мне не нравятся, очень даже хороши, но слишком много странных совпадений, – спокойно возразила Марина Юрьевна. – Вы уверяли, что вещи в единственном экземпляре, а их уже носят. Там, где это платье и блузку изготовили, они может быть и ширпотреб, но на постсоветской территории – эксклюзив. Прежде, чем совершать покупку, я должна знать, откуда у вас эти вещи? Мужские сорочки тоже с чужого плеча? Секонд-хенд.

– Откуда вам известно? Вы лжете, – заявила продавец. И снова следователь показала ей фотографию, на которой был изображен молодой симпатичный мужчина в белой сорочке и галстук, ныне выставленных на торг.

– Убедились? Это напоминает аукцион по распродаже чужих вещей, – продолжила следователь. – Откуда у вас эти вещи? Может, вы их с мертвых сняли...

– Господи, как у вас, такой на вид интеллигентной женщины, язык повернулся сказать? – всполошилась торговка и перекрестилась.

– Доверяй, но проверяй, – ответила майор и часть фотографий отдала Тернову. Перебегая взглядами с развешанных вещей на изображения фотографий, они отмечали их идентичность.

– Здесь куча знакомых вещей, юбки, платья, кофточки, сорочки, шарф., – повторяла Журавина.

– Гражданка, предъявите ваш паспорт! – потребовал капитан.

– Кто вы такие, чтобы качать права? – повысила голос продавец, привлекая внимание публики, потянулась заскорузлыми руками к покупательнице. – Возврати вещи, если не собираешься их покупать. Если вы рэкетеры, то вызову милицию и вас повяжут.

– Не шумите, не играйте на публику, этот номер у вас не пройдет. Предъявите паспорт, – велел Александр Васильевич. – Милицию звать не придется, мы уже на месте. Мы сами сотрудники милиции, я – капитан, начальник угрозыска, а Марина Юрьевна – майор, следователь.

В знак подтверждения Тернов показал удостоверение и увидел, как побледнело плоское лицо женщины и угас воинственный пыл.

– Чьи это вещи, при каких обстоятельствах они оказались у вас? – повторила вопрос Журавина.

– Это вещи моей знакомой Клавдии Семеновны Гуцай, – призналась продавец и подала капитану паспорт. Он прочитал вслух:

– Алиса Лукьяновна Лисицына.

– Это я, – отозвалась она и продолжила. – Клавка не смогла сама поехать, сказала, что повысилось давление, разболелась голова и попросила меня реализовать эти вещи. Пообещала за услугу десять процентов от стоимости.

– Что же вы, Алиса Лукьяновна, обманывали, что это ваши вещи? – упрекнула следователь.

– Так ведь реклама – двигатель торговли, – напомнила она

популярный лозунг челноков.

– Знаете, где прописана и проживает Гуцай?

– Конечно, я у нее часто бываю в гостях и она ко мне приходит. Компанейская женщина, любит выпить, закусить, анекдоты потравить...

– В таком случае познакомите нас с нею.

– Когда и зачем?

– Сегодня же, не будем откладывать в долгий ящик. Выполним формальности и снимемся с якоря, – ответил Тернов.

– Что случилось, объясните? Я потратилась на паром и дорогу, не хочу быть в накладе, должна окупить свою поездку, – пожаловалась Лисицына. – Надо продать хотя бы часть товара.

– Он не подлежит продаже, – твердо произнес капитан.

– Почему? Хорошие импортные вещи.

– Скоро узнаете, а пока соберите вещи, которые вам дала Клавдия. Составим их опись, чтобы ни одна не пропала, – велела следователь, а Тернов подошел к рядом торгующим женщинам и спросил:

– Вы из Керчи?

– Да, – дружно ответили они. – Приехали сбыть местную эмальпосуду. Зарплату нам выдают кастрюлями, чайниками, лотками, мисками и кружками...

– Я – начальник угрозыска, отлучитесь на несколько минут, выступите в качестве понятых при изъятии вещей.

– У Алиски что ли?

– Да, у гражданки Лисицыной.

– Они чужие, ворованные?

– Похоже на то, – уклонился капитан от прямого ответа.

– Ну, темная лошадка! А ведь прикидывалась бедной, тихой овечкой, – сказала одна из женщин. – Даже нам, когда плыли на пароме, пыталась сбагрить импортную одежду. Была бы потеха и слезы, и грех...

В присутствии понятых, включив описание каждой вещи в перечень, аккуратно сложили их в отдельные сумки, купленные Терновым в соседнем бутике. Алиса Лукьяновна в недоумении взидала на эти манипуляции, отмахиваясь от навязчивых подруг с каверзными вопросами.

– Гражданка Лисицына, эти вещи у вас изъяты в качестве вещественных доказательств, – заявила следователь.

– Изъяты? А где за них деньги? Я должна отчитаться перед Клавкой. Отдать ей деньги или возвратить непроданные вещи, – пояснила продавец. – Она же с меня не слезет, ужас, и ее ухажер лютый зверь.

– Как зовут зверя?

– Гошей.

– Фамилия, отчество?

– Не знаю, они с Клавкой второй месяц сожительствуют и нигде не работают, – сообщила Лисицына. – Да, и какой начальник примет его на работу с "волчьим билетом".

– С каким билетом? Уточните.

– Так в народе говорят о тех, кто в тюрьме побывал, срок отмотал. Гоша из бывших зэков, а за что сидел, не знаю. Клавка скрывает.

– Алиса Лукьяновна, вы не волнуйтесь за товар, с Клавдией и ее сожителем мы теперь сами будем разговаривать, – заверил капитан. – Собирайте свои пожитки, снимаемся с якоря.

– Я вам, зачем понадобилась? Забрали вещи и оставьте меня в покое, и так вся торговля пошла насмарку, – заупрямилась Лисицына.

– Нет, Алиса Лукьяновна, на сегодня рынок для вас закрыт, – твердо изрекла следователь. – Теперь вы – главный свидетель и ваш гражданский долг помочь следствию изобличить преступников.

Продавец, нехотя собрала вещи, а Тернов тем временем договорился с начальником отделения милиции на рынке и сержант–водитель на УАЗе доставил их на автовокзал. Оттуда автобусом прибыли в порт Кавказ, дизель-электроходом через пролив и вечером были в Керчи. Удачная командировка, давшая свидетеля и целую сумку улик, воодушевила сотрудников на активные действия.

"Куй железо, пока горячо". Журавина, как впрочем, и большинство из ее коллег, неуклонно следовала этому пра-

вилу, осознавая, что фактор времени главный в следствии. Чуть промедлишь, и розыск преступника обречен на фиаско.

– Теперь я свободна? – спросила Лисицына, когда они с паромом сошли на причал и в просветах среди свинцово-тяжелых туч проклюнулись редкие звезды.

– Нет, Алиса Лукьяновна, все только начинается. Есть такая мудрая присказка: закончил дело, гуляй смело, – напомнила следователь.

– Так у меня уже и никаких дел нет. С рынка сорвали, остается только подсчитать убытки, – вздохнула разочарованная челночница и в сердцах призналась – Не хочу я иметь отношений с милицией, себе дороже.

– Вместе навестим Гуцай. Она, наверняка, ждет от вас деньги за проданный товар.

– Да, велела по возвращению отчитаться.

– Видите, все логично, – поддержал майора Тернов. – Если не появитесь, то Клавдия начнет беспокоиться. Но перед тем, как нанести к ней визит, заедем в УВД. Ведь предстоит встреча не только с Гуцай, но и ее сожителем, а они могут и отказать в гостеприимстве. С такими гражданами надо ухо держать востро. У сожителя, побывавшего на зоне, может оказаться буйный характер.

– У Гоши, а он здоровый, словно горилла, характер не подарок и как только Клавка с ним живет, ума не приложу. Я бы его, дармоеда, взащей выгнала, – сказала Лисицына. – Его может не быть дома. Черт знает, где носит, а когда появля-

ется, то кутит до утра.

Капитан из таможенного поста позвонил в дежурную часть УВД и, услышав отзыв Хворого, велел:

– Николай Иванович, пришли машину на паромную переправу. Предстоит работенка.

– Будет сделано, Александр Васильевич, – ответил майор. Не прошло и двадцати минут, как " Лада " темно-вишневого цвета с логотипом ДПС остановилась у здания таможенного поста. Все трое разместились в салоне и вскоре прибыли к зданию УВД.

– Майор, – обратился Тернов к Хворому. – Нам с Журавиной и Лисицыной (капитан указал на Алису) предстоит навестить гражданку Клавдию Семеновну Гуцай. Она проживает в пригороде, в одном из частных домов. Не исключено, что там окажется и ее сожитель Гоша, позже установим его личность. Он отличается крутым нравом, поэтому может повести себя неадекватно, агрессивно. Выдай нам оружие, патроны и наручники.

Капитан подал дежурному карточку-заместитель и взамен получил из оружейной комнаты пистолет Макарова, два магазина с восьмью патронами в каждом и наручники. Журавина тоже подала карточку.

– Вам, Марина Юрьевна, зачем рисковать, лезть на бандинские пули и ножи? – пожалел Хворый. – Не женское это дело.

– В милиции нет разделения на мужчин и женщин, есть

офицеры и перед присягой все равны. Выполняйте! – резко ответила следователь. – У меня свои счета с этими шакалами. Хочу сама их взять, а при попытке сопротивления или бегства завалить.

– Как прикажете, товарищ майор! – чуть ли не под козырек взял бывалый офицер, поняв, что со своей жалостью к слабому полу перегнул палку, но все же поинтересовался. – Вдвоем справитесь? Может пару бойцов из группы захвата или "Беркута" вызвать?

– Справимся. Если уж слишком будет горячо, то дадим знать по радиостанции, – ответил Тернов. Их приготовлений не видела, находившаяся в УАЗе под присмотром сержанта-водителя Лисицына. Возвратились в автомобиль, капитан назвал выведенный у Алисы адрес проживания Гуцай. Проинструктировал:

– Не доезжая до хаты метров сто, остановишься и спрячешь авто в глухом переулке.

Следователь обернулась к Алисе Лукьяновне и подала ей пачку, перетянутых резинкой купюр и пояснила:

– Здесь 11 тысяч рублей, якобы полученные вами от продажи одежды. Этого достаточно?

– Вполне. Клавка рассчитывала на сто пятьдесят долларов.

– Скажите, что ее товар пошел очень хорошо и пусть готовится новую партию. Вы, мол, согласны совершить еще одну поездку, – наставляла следователь. – Пачку с купюрами

не зажимайте в ладони, они помечены спецкраской.

– Понятно, это вроде дачи взятки, – проявила сообразительность Лисицына.

– Не совсем так, но похоже, – улыбнулась следователь. – В этот момент мы и возьмем ее с поличным. Ясно?

– Ясно, – кивнула женщина.

– Но это еще не все. Возьмите диктофон, – следователь подала ей компактный мини-аппарат. – Положите его в карман куртки и перед тем, как войти в дом, незаметно нажмите пальцем на эту клавишу. Ведите себя спокойно, уверенно, не нервничайте, чтобы не вызвать подозрений. Помните, что мы будем поблизости и в любой момент поспешим на помощь. Кстати, собака во дворе есть?

– Нет, Клавка прогнала пса со двора. Много мол, без прока корма переводит.

– Хорошо, одной проблемой меньше.

Они приехали на пустынную в быстро сгустившихся сумерках, улицу с одно и двухэтажными домами, летними кухнями и хозпостройками. за высокими каменными и металлическими оградами. Водитель остановил УАЗ в глухом проулке.

– С богом, Алиса Лукьяновна, будьте уверенны в себе и премия вам за помощь следствию гарантирована, – пообещала Журавина.

– А как же сумка с вещами?

– Ничего с ними не случится, будут целы под надежной

охраной.

Лисицына сошла на землю и направилась вдоль ограды по разбитому и выщербленному тротуару.

– Марина Юрьевна, если не возражаете, то действуем по следующему сценарию, – предложил Тернов. – Вы, спустя пять минут, пройдёте через калитку во двор и далее в дом, то есть по стопам Лисицыной, а я, как говорится, захожу с тыла. Перемахну через ограду и затаюсь у освещенного окна. как только услышу шум, то через окно ворвусь в помещение.

– Если там окажется и сожитель?

– Будем действовать по ситуации. Оружие держите на взводе. А ты, сержант, как только мы удалимся, потихоньку с погашенными фарами выдвигайся к дому, только не слишком торопись, чтобы не опередил события и не испортил «малину».

Они сошли на землю. Журавина последовала за чуть различимым силуэтом Лисицыной, а Александр, крадучись вдоль высокого забора. После того, как на калитке загремела щеколда, Алиса Лукьяновна прошла к веранде, капитан ловко, по-обезьяньи перемахнул через двухметровую ограду. Пробрался к освещенному окну, которое оказалось плотно зашторенным от любопытных глаз.

Лисицына вошла в летнюю веранду и, нащупав в кармане

куртки диктофон, нажала на кнопку, миновала небольшой коридор и вошла в ярко освещенную люстрой гостиную. За столом, заставленным бутылками с водкой и блюдами с закуской сидели Гоша и Клавдия.

– О-о, явилась, не запылилась? – с удивлением на круглом, заплывшем лице с узкими глазами произнесла хозяйка. – Что-то ты лихо обернулась? Я раньше девяти часов вечера не возвращалась.

– Так ведь товар импортный, хорошо пошел, с руками отрывали, – заявила Алиса.

– Ладно, подруга, раздевайся, садись к столу, чем богаты, тому и рады, – жестом пригласила Гуцай и ловко влила в себя содержимое рюмки. – Вижу, проголодалась с дороги? В ногах правды нет.

Гостья уже расстегнула замок-молнию на куртке и вдруг, вспомнила о диктофоне, замялась.

– Я там, на рынке, перекусила пирожками с кофе, а к тебе заглянула на минутку, чтобы отдать деньги.

– Что ты, как кисейная барышня? Что случилось, я тебя не узнаю, прежде ты не отказывалась от рюмки-другой? Словно тебя подменили. Выпьем за удачную торговлю.

– Устала и голова разболелась.

– Так водка на перце лучшее лекарство. Выпей и усталость, как рукой снимет.

– Не хочу вам мешать. Как говорят, незванный гость хуже татарина, – попыталась Лисицына выйти из неловкого поло-

жения, озадачив мрачного собутыльника подружки. – Ты ведь велела завтра утром зайти.

– Коль пришла, тем более с деньгами, не гнать же тебя в шею, – усмехнулась Клавдия. – Если не хочешь пить, то покушай. Я уговаривать не буду. Давай деньги, сколько ты наторговала?

– 11 тысяч рублей.

– Хорошо, это почитай двести долларов. Алиса сунула руку в карман куртки, наткнулась пальцами на диктофон и тут же одернула, словно обожглась. Вспомнила, что деньги лежат в правом кармане. Замешкалась и эти манипуляции не ускользнули от зорких глаз мужчины. Лисицына подала купюры и Гуцай уже готова была ее взять.

– погоди, Клавка! – крикнул Рыкач и встал в полный рост, заставив любовницу содрогнуться. – К деньгам пока не прикасайся. Пусть она их положит на стол и сама посчитает.

– Там мелкие купюры, – пояснила Лисицына.

– Ты что же, возле церкви, на паперти стояла с протянутой рукой? – усмехнулся Гоша.

– Что давали, то и брала. Деньги не пахнут.

– Получается, что ты импортные вещи продавала голопузой нищете, – сделал он вывод. – Что-то у тебя не клеится, темнишь баба? Или хочешь, чтобы я тебя, как сидорову козу, отодрал по полной программе. Клавка возражать не станет, она не ревнивая.

– Да, его не убудет, – согласилась Клавдия и поинтересо-

валась.— Ты свои десять процентов взяла?

— Нет, не взяла, хочу, чтобы ты их мне сама дала, — промолвила Лисицына и положила пачку на край стола.

— Считай! — приказал сожитель, но гостя не сдвинулась с места.

— Алиска, а где моя сумка? — неожиданно спросила хозяйка. — Она мне в двадцать долларов обошлась.

— Сумка? — гостя растерянно оглянулась на дверь, будто там находилась сумка.

— Ты что же и ее продала? — не отступала заметно охмелевшая Клавдия. Гостя, молча, кивнула головой.

— Если так, то проценты тебе не положены.

— Эх, Клавка, куриные мозги! Она же тебе лапшу на уши вешает, мозги пудрит, — произнес Рыкач. — Как пить дать, темнит, держит нас за последних лохов. Надо бы ее обшарить, потискать и встряхнуть.

Гремя стулом и опрокинув рюмку с водкой, он поднялся из-за стола. Взял в правую руку кухонный нож.

— Щас ты у меня заговоришь. Потроха, кишки выпущу...

— Помогите! Караул! — завопила Лисицына, пятясь спиной к двери и, не сводя испуганных глаз с холодно блеснувшего лезвия ножа. Она ощутила тягучий страх и с ужасом подумала, что сотрудники милиции ее оставили.

В этот момент дверь распахнулась и в ее проеме появилась Журавина с пистолетом в руке.

— Стоять, на месте! Стреляю на поражение! — нацелила

ствол на опешившего Рыкача. Заметила на его левой ладони повязку и поняла причину ее происхождения. – Брось нож в сторону!

– Вот зараза, привела за собой "хвост", – метнул он гневный взгляд в сторону Лисицыной, спрятавшейся за спиной следователя, и сделал шаг вперед, намереваясь выбить из руки оружие. – Сразу понял, что хвостом виляет и темнит.

– Не двигаться, стреляю на поражение! – предупредила майор.

Раздался звон разбитого стекла и вместе со сломанным переплетом рамы в комнату ввалился капитан Тернов с пистолетом в правой руке. Мгновенно оценив ситуацию, он выстрелил и ранил Гошу в запястье руки. Тот дико взвыл, нож упал на пол и полилась кровь.

–Гражданка Гуцай и вы, гражданин, – следователь кинула взгляд на скорчившегося от боли в руках капитана ее сожителя, – подозреваетесь в умышленном убийстве гражданки Даркиной и грабеже с проникновением в ее жилище.

Тернов защелкнул стальные наручники на запястьях их рук. Лишь после этого перевязал раны, чтобы задержанный не истек кровью. После тщательно обыска дома ихозпостроек, где обнаружили множество вещдоков и других улик. Подозреваемых граждан на УАЗе доставили в ИВС.

Загнанные неопровержимыми уликами в угол, Рыкач и Гуцай стали валить вину друг на друга, с садистским наслаждением живописуя подробности и детали. На следствии, чтобы вызвать к себе жалость и уменьшить меру наказания, Клавдия заявила, что сожитель пытался прямо на месте преступления ее изнасиловать, а потом убить и таким способом избавиться от опасной свидетельницы, так как она собиралась придти в милицию с явкой с повинной. "Это же зверюга, каких свет не видывал!" – возмущалась сожительница.

Благодаря аналитическому складу ума, показаниям подозреваемых и свидетелей, вещественным доказательствам, данным экспертиз и дактилоскопии, интуиции и искусству воображения Журавиной удалось реконструировать события той роковой ночи в квартире Даркиной.

Из прихожей донесся мелодичный звонок, прервавший ее полудремотное состояние. "Кто бы это мог быть в столь поздний час? – подумала Светлана Евгеньевна, взглянув на табло электронных часов с зеленоватыми цифрами: 23.45. – Ни с кем ведь не договаривалась, гостей не жду? Может не отзывать, пусть решат, что в квартире никого нет. Хотя свет в окнах виден с улицы. Так уж и быть узнаю, кому неймется?" Женщина поднялась с кресла, выключила телевизор, подошла к входной двери и спросила: – Кто там?

– Свои, это я – Клава, твоя верная подруга. Открывай, Света, а то время не терпит, – поторопила Гуцай. – Я к тебе на минутку с деловым предложением.

Хозяйка приблизила лицо к дверному "глазку" и увидела в полумраке лестничной площадки недавно обретенную подругу и спросила:

– Почему так поздно? Могла бы позвонить и предупредить о визите?

– Света, идея возникла неожиданно.

– Какая еще, глядя на ночь, идея?

– Решила съездить на вещевой рынок в Краснодар. Собрала более–менее приличные вещи, антиквариат, – пояснила Клавдия. – И вдруг вспомнила наш последний разговор. Ты говорила, что от погибшего сына остались импортные сорочки, брюки, куртки, галстуки и другие вещи. Не пропадать же добру, пока их прожорливая моль не слопала. Я готова их выгодно для твоей же пользы сбыть. При дефиците одежды такой товар с руками и ногами оторвут.

– Что ты, Клава, словно на пожар? Заранее предупредила бы. Я собрала бы, что на продажу, а что оставила бы на память о Сереже, – упрекнула Светлана Евгеньевна. – Приходи утром, разберемся.

– Утром будет поздно. Не успею на первый паром через Керченский пролив. Он отходит в пять тридцать, а следующий только через полтора часа, – сообщила гостя. – Паромы сейчас очень редко ходят, транспорта и пассажиров поздней осенью очень мало. Если опоздаю на первый, то приеду на рынок к шапочному разбору. День короткий и надо успеть возвратиться. Не знаю, когда в следующий раз удаст-

ся выбрать, через месяц или два? Открывай, я тебе помогу отобрать вещи, знаю, какие из них пользуются повышенным спросом.

Даркина призадумалась: "Когда еще представится случай хоть немного освободить гардероб. Лежат добротные, ни разу не стиранные импортные вещи мертвым капиталом. Может, кому-то сгодятся, да и для меня при жалкой зарплате деньги не будут лишними.

– Ты сама?

– С кем мне еще быть? На телохранителя денег не заработала, – пошутила Клавдия. – Вот сплавлю товар на рынке, появятся кошты и легче станет жить. Светлана Евгеньевна еще раз взгляделась в "глазок", внимательно обзрев лестничную площадку с тусклым пыльным плафоном у противоположной стены. Кроме знакомой никого, хоть шаром покати. Сбросила медную цепочку и отодвинула язычок замка. Стальная дверь, драпированная сосновыми рейками, мягко отворилась.

– Проходи, – пригласила Даркина и в этот же миг увидела, как из-за темного уступа к двери метнулся незнакомец в темной куртке и надвинутой на лоб вязаной шапочке.

– А это кто-о? – испуганно произнесла Светлана Евгеньевна и в оцепенении замерла на месте.

– Не знаю, может маньяк или бомж увязался, – ответила Клавдия, прижав спиной дверь, которую тщетно попыталась закрыть хозяйка квартиры. Страшный удар обрушился на го-

лову несчастной женщины. Она со стоном и ужасом, застывшим в расширившихся зрачках, повалилась на пол. Злодей схватил ее за обмякшие, как плети, руки и словно мешок, втащил вглубь прихожей.

– Живо закрывай двери, – велел он Клавдии и для надежности нанес еще два удара увесистым молотком по окровавленной в слипшихся волосах сгустках черно-алой крови голове жертвы. Проломил череп и брезгливо отбросил молоток с осклизлым, студенистым веществом мозга.

– Руки, руки, – чуть ли не в ушную раковину прошипел Рыкач.

– Чьи руки? – вздрогнула женщина, уставившись в свои ладони.

– Твои клешни, старая курица. Живо надень перчатки.

Сам он натянул на пальцы резиновые, желтоватого цвета перчатки. Она последовала его примеру.

Запрокинул голову жертвы и поглядел в остекленевшие глаза.

– Готова. Давай, Клавка, быстрее собирай в сумку ценные вещи, драгоценности, валюту, золото, платину, серебро, – приказал он. – Ты у нее гостила и должна знать, где и что лежит. На барахло, тряпки не зарься, не набрасывайся. У нас нет верблюда, ишака или мула для тяжелой поклажи. Придется тащить на своем горбу. Забирай только ценные, компактные изделия из золота, платины, драгоценные камни. Ты иди в спальню и наведи там шмон. Только аккуратно,

вещи не разбрасывай, чтобы не поняли, что грабеж, а я разберусь в гостинной.

Он достал из внутреннего кармана куртки блестящую из нержавеющей стали плоскую фляжку. Отвинтил колпачок и сделал несколько глотков. Потом подал женщине:

– Выпей для храбрости и моторности.

Она охотно приняла флягу, приложила к пухлым губам и потянула напиток в себя. Спирт обжег гортань.

– Ох, даже крепкий зараза, – Гуцай, опасно озираясь на неподвижное тело Даркиной с лужей крови под головой и боясь встретиться с ней взглядом, возвратила ему фляжку. Ощувив хмель, двинулась к спальне. Не доходя двух шагов до плотно запертой двери, услышала шорох и остановилась, будто вкопанная.

– Ой, Гоша! – вскрикнула она. – Там кто-то есть живой? Слышишь шорох, шаги...

– Не кричи, молчи, соседей всполошишь, – огрызнулся он и побледнел. – Ты же сказала, что она одна живет?

– Наверное, любовник затесался, она ведь еще не старая? – предположила Клавдия. Он схватил молоток за рукоять. Встал у двери, изготавившись к нанесению удара, тихо прошептал: – Резко открывай. Дрожащей рукой Клавдия потянула за ручку. В проем между рамой и дверью прошмыгнул пудель белой масти.

– Фу ты, дьявол, – произнес он и опустил молоток, с которого рубиновой каплей скатилась кровь.

– Клавка, ты, что же не знала, что у нее собачка? – упрекнул он. – Лишние страхи нагнала, так неровен час, раньше времени поседеешь и околеешь.

– Знала, это Снежок, но со страху все вылетело из головы, – призналась женщина. Собачка подбежала к хозяйке. Учюяла свежую кровь, лизнула ее шершавым языком и жалобно завывала.

– Черт подери, заставь ее замолчать, – велел злодей. – На ее вопли откликнутся собаки в других квартирах, жильцы всполошатся и нас застукают на месте.

– Невозможно, она слушалась только свою хозяйку, – беспомощно развела руками Гуцай. Он со злостью пнул пуделя ботинком. Пес отлетел к трупу и завизжал, оскалив пасть с острыми зубами.

Словно острыми иглами кольнул его ушные перепонки раздражающий звук. В порыве ярости мужчина попытался зажать пасть ладонью, но пес, движимый инстинктом самосохранения, впился в кисть его левой руки клыками, прокусив резиновую перчатку. Рыкач взвыл от острой боли. Снял перчатку и увидел, что ладонь обагрилась кровью. Вытер ее подвернувшейся под руку спортивной курткой, снятой с вешалки.

– Вот тварь, укусила, – снова пнул собачку ногой. Снежок забился в угол. Оттуда доносились его приглушенные вопли.

– Черт, не хватало еще этой заразы, – окрысился Гоша. – Что уставилась, как баран на новые ворота. Закрой его в туа-

лете, чтобы не мешал и перевяжи мне ладонь. Соберем вещи и надо рвать отсюда когти, пока эта тварь своим лаем не выдала нас с потрохами.

Гуцай вытащила пуделя из угла и заперла в туалете. Потом открыла дверцу шкафа, где хранились медикаменты, винты, вата. Повернувшись спиной к труп, смазала сожителю рану йодом и забинтовала ладонь.

– Был бы здесь мусоропровод, как в девяти и десятиэтажках, порезав труп по частям, расфасовали бы в пакеты, сбросили через мусоропровод в контейнер и все дела, – промолвил Рыкач. – Только на свалке и обнаружили бы "сюрпризы", а там, поди, догадайся и разберись, из какого дома доставили. Их в городе не одна сотня домов и хат.

– Гоша, может нам ее подвесить на трубе, инсценировать самоубийство? Мол, сама с горя о гибели сына, она мне рассказала жуткую историю, полезла в петлю? Потеряла интерес к жизни и решила свести счеты. Таких случаев сейчас, сплошь и рядом, – предложила она.

– Глупая ты, Клавка и не лечишься, – одернул он ее. – Кто же тебе поверит, что труп с проломленным черепом, способен сам себя подвесить. Те, кто решил покончить жизнь самоубийством, не станут уродовать свое лицо и истязать тело. Думать надо головой, мозгами...

Он по привычке хлопнул сожительницу широкой правой руки по пышной ягодице.

– Ой, не шали, не искушай меня без нужды, – кокетливо

взвизгнула она. – Возвратимся домой, тогда и натешимся. Растоплю баньку, попаримся с дубовыми веничками...

– Иди в спальню и собери ценные вещи, драгоценности, антиквариат, – велел он. Гуцай опасливо озираясь, вошла в комнату. Пробежала глазами по полкам книжного шкафа. Увидела в нише портрет сына Даркиной в траурной рамке – молодой, симпатичный жизнерадостный мужчина в морском кителе. Клавдия содрогнулось, ей показалось, что он взирает на нее с укором и с губ готов сорваться вопрос: "Что вы, злодеи, сделали с моей матерью". Она, отвернув лицо в сторону, взяла портрет и обернула его тыльной стороной, чтобы Сергей не видел ее воровских действий. Но бог зрит.

Дрожащими руками выдвинула ящик в нижней части шкафа и достала шкатулку, инкрустированную бирюзой. Открыла, не густо: два золотые обручальные кольца, очевидно, заранее приготовленные для сына и будущей невестки и оставшиеся невостребованными, перстень с сапфиром, золотая цепочка с кулоном, две серебряные броши с аметистом и янтарем и несколько стодолларовых купюр и рубли. Решила, хотя бы пятьсот долларов утаить, спрятать в лифчик или трусы. В момент сортировки дверь отворилась, вошел Рыкач.

– Каков улов?

Она, стоя к нему спиной, вздрогнула, сделала неуклюжие телодвижения и несколько зеленых купюр выпорхнули из ладони. Он, как ушлый зек, заподозрил ее в жульничестве.

– Мало, – смутилась она, показав содержимое шкатулки. –

Всего тысяча триста двадцать пять долларов, да несколько ювелирных изделий.

– Врешь, ты же мне рассказывала, что эта баба сказочно богата, получила наследство и спекулирует дефицитными лекарствами, – подступил он вплотную к Клавдии, горячо дыша, взял ее рукой за подбородок. – Из-за такой мелочи не стоило мараться и брать грех на душу.

И вдруг его осенила догадка:

– Колись, куда замыкала валюту и золото?!

– Не прятала, ни валюту, ни золото, все, что есть, в шкапулке. Сама удивляюсь, почему мало?

– Раздевайся живо! – приказал он. – Глупые бабы, обычно в трусах прячут валюту и драгоценности от таможенников. Надеются, что их никто не станет щупать. А те рады такой наивности: кайф получают, изымая валюту. Не заставляй дважды повторять.

– Ты шо, Гоша, белены объелся? Ничего я не брала и не прятала, – заявила Гуцай. – Зачем мне прятать? Мы же с тобой одна семья. Это ты в гостинной мог, пока я здесь, что-то ценное, бриллианты или золото прихватить.

– Нет там ничего ценного, – махнул он рукой. – В серванте кораллы, ракушки, да маски и побрякушки из африканских и азиатских стран. Это ей, наверное, сын из загранки навозил разное фуфло, ничего стоящего. Где обилие валюты, где груды золота и самородки, о которых ты мне все уши прожужжала? Раздевайся, я тебя обыщу, как это делают в камере.

Рыкач грубо запустил ей руку за пазуху, проник под лифчик большого размера, нащупал упругую грудь. Ничего. Пополз пальцами по теплому животу, ощутил, что от этих прикосновений сам начинает возбуждаться.

– Ой, Гоша, не могу, очень щекотно, – горячо прошептала Клавдия. – О, Господи, чуть в грех не ввел.

– Стан у тебя, Клавка, классный, но остынь, не провоцируй меня, – сказал сожитель. – У нас нет времени? Надо быстрее управиться. Дома до утра откатаем по полной программе.

Придирчиво оглядел интерьер комнаты, скромный спальный гарнитур "Леанка", а в гостиной стенка, диван, кресла и стол из мебельного гарнитура "Кипарис".

– И взять с нее нечего, бедна, как церковная мышь, – посоветовал он. – Может она свои сбережения в банке хранит на валютном счету? Ты у нее интересовалась?

– Нет у Светки валютного счета, – возразила Клавдия. – Банкам, которые переводят активы за рубеж, лопаются, как мыльные пузыри, она не доверяла, все хранила в квартире, в этой шкатулке.

– Может где тайники, на балконе, под паркетом или за плинтусами? – не терял он надежды на богатый улов, придирчиво обшаривая углы комнаты, но не выстукивал пустоты из опасения встревожить соседей. По старой краске плинтусов и выцветшим обоям не сложно было определить, что с момента новоселья их не меняли.

– Клавка, ты же говорила, что экипаж, с которым плавал ее погибший сын, собрал для нее не меньше двадцати штук валюты. Где же доллары, неужели она так быстро их спустила? Вроде баба не пьющая. Водки, коньяка и вина в квартире нет.

– Рыбаки ей помогли, – подтвердила Гуцай и задумалась. – Светка жила скромно, не пила и деликатесами, черной и красной икрой, балыками не увлекалась. Куда же могли подеваться деньги? У нее нет близкой родни. А-а, я догадалась.

– О чем ты догадалась?

– Наверное, Светка, всю валюту вбухала в мраморный памятник на могиле сына, – заявила женщина, довольная тем, что открыла тайну. – Ты бы только увидел, какой красивый памятник из гранита и черного мрамора. Ваза для цветов, оригинальная оградка. Под таким приятно лежать.

– Покойнику все равно, где и под каким камнем лежать, – заметил Гоша. – А мы в дураках остались.

– Не скажи, – возразила она. – Я тебе обязательно покажу в поминальный день, тогда ты изменишь свое мнение.

– Кладбище не музей, не мавзолеей, чтобы глаза пялить, – оборвал он Клавдию и потряс за плечи. – Что же ты, дура, насчет памятника не сообразила. Точно, загробных дел мастера из нее всю валюту выкачали.

– Да, она как то жаловалась, что они ее долго мурыжили, тянули с выполнением заказа, – вспомнила Гуцай. – То не

было подходящего гранита и мрамора, то скульптор затребовал высокий гонорар. Светлана была интеллигентной, совестливой женщиной, не от мира сего, поэтому терпела. Вот куда, Гоша, денежки наши уплыли. Как пришли, так и ушли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.